

A dark, atmospheric illustration for a book cover. In the center, a woman with long, wavy blonde hair, seen from behind, wears a long, flowing red cape. She stands next to a large, dark, shaggy wolf, also seen from behind. They are both looking into a large, ornate, oval mirror with a cracked, spiderweb-like pattern on its surface. The mirror is set against a dark, misty forest background with bare trees. The overall mood is mysterious and ominous.

Ирина Кошман

**Страшные истории о
ведьмах и Богах**

Ирина Кошман

**Страшные истории
о ведьмах и Богах**

«Автор»

2026

Кошман И. А.

Страшные истории о ведьмах и Богах / И. А. Кошман — «Автор»,
2026

Древнее Зеркало, защищавшее Ахарум от зла, оказалось разбитым. Двое Хранителей, Сибилла и Рудольф, вооружившись магией ведьмы Эстер, отправляются в путешествие по ту сторону Зеркала, чтобы встретиться и сразиться с источником зла: Богом, заточённым в отражении мира. Хранители и их спутники даже не подозревали, что главное зло таится вовсе не в Зазеркалье. Оно всегда было рядом, дышало им в спину, незримо витало в воздухе...

© Кошман И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	26
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Кошман

Страшные истории о ведьмах и Богах

Глава I

1.

Здесь не было звуков, только тихий шёпот снега, опадавшего с деревьев. На поляне олень, заслышав крик вороны, замер. В этом крике не было ничего необычного, он был только предвестником наползавших сумерек.

Но что-то насторожило оленя. Он замер, прислушиваясь к чему-то надвигавшемуся из лесной густоты. Мир утонул в голубой мгле, страх приближался. Олень сорвался с места, словно невидимый охотник направил на него невидимую стрелу.

В лесной темноте вдруг прозвучал раскат грома. Но откуда гром, если небо чистое? Из темноты древнего зла выползла тварь, которую этот мир никогда не видел. Это зло, скрывавшееся в тени, тело его было тонким, но прочным, покрытым сталью, шагало оно, словно человек, на двух опорах. Огромное, дышащее ядовитым паром изо рта, который похож был на рупор. Оно орало. И от его крика все птицы, даже ночные, взмыли в воздух.

Так закончился век великого Зеркала.

2.

Ветер заунывно стонал, прорываясь сквозь голые ветви. Метель утихла, и теперь оставалось лишь ждать приближения весны.

Ночь отступила. В Зеркале, отражавшем сотню лет отчаяния, любви, детских криков, появилась трещина. Она разбежалась по всей поверхности, похожей на замёрзшее озеро, мелкими венами. И теперь мост между двумя мирами словно бы опустился, давая дорогу древнему злу.

Ворота открылись, и снег, потревоженный так неожиданно и внезапно, схлынул, давая дорогу извозчику и лошадям. Сибилла протянула руку человеку, вышедшему из повозки. Руки её всё ещё пахли пряниками. Её мягкие черты лица, не похожие, однако, на детские, как-то заострились в ожидании слов гостя.

– Медлить нельзя, – произнёс он, и маленькое облачко пара вырвалось из его рта. – Мир в опасности.

Он сделал решительный шаг вперёд, навстречу замку, но она остановила его лёгким движением пальцев.

– Погодите, офицер, – произнесла она. Белое лицо покрылось румянцем на морозе. Светлая прядь волос танцевала на ветру. – Объясните. Какая опасность?

Он пристально посмотрел на неё, чтобы убедиться, не шутит ли она.

– Зеркало, Сибилла. Оно... – он помедлил секунду, как будто то, что хотел произнести, было недопустимо. – Оно треснуло.

Его голос стал ниже. Девушка выпрямилась.

– Вы, должно быть, шутите? Зеркало здесь, и оно в полном порядке.

Но лицо офицера Густава оставалось таким же серьёзным. Что-то внезапно прошмыгнуло вдали, между елями, в снегу, и на секунду Сибилла отвела взгляд. Офицеру достаточно было этой секунды, чтобы проскочить мимо девушки.

– Погодите!

– Нам нужно взглянуть на него.

– На кого?

– На Зеркало.

Сибилла побежала за ним по ступеням, ведущим к воротам замка.

– Но Зеркало под охраной, вы знаете!

Ему надоели эти женские возгласы, он сделал жест рукой в воздух, будто толкая Сибиллу в сторону, и зашагал к замку.

Она, забывшая вдруг, что зима холодит кожу, откинула шаперон, и теперь её волосы рассыпались по плечам, как бледный водопад. Она не отставала от офицера Густава ни на шаг.

– Видите ли, леди, кажется, тонкая грань между нашими мирами треснула, и к нам про-
рываются твари. Ненасытные и несчастные души. Иной причины нет. Это Зеркало.

– Вы уверены?.. Разве это может быть правдой?

В ответ офицер не произнёс ни слова.

– Но Зеркало защищено магией. Матушка бы не допустила этого...

Теперь Густав, державшийся так стойко до этого момента, замер. Его желваки ходили под кожей. Он бросил резкий взгляд исподлобья на Сибиллу и схватил её за руки, отчего по телу Хранительницы побежали мурашки. Она зажмурилась, думая, что сейчас офицер Густав будет кричать. Но он лишь прошипел сквозь зубы:

– Она же ведьма, детоубийца, – прошипел он. – Какая же она вам матушка?

Рудольф, брат Сибиллы, прервал их странный, так и не разгоревшийся спор. Под его ногами заскрипел снег, и тут же где-то над их головами что-то громко прокричала ворона, неся недобрые вести.

– Густав, отпустите её! Что вы ещё вздумали?

Сибилла уличила момент, чтобы освободиться от хватки Густава, и тут же сорвалась с места. Пока тот объяснял Рудольфу свои опасения, девица спешно вбежала в замок, где во мраке подвалов, за семью замками, в сырой пивнице¹, хранилось старое Зеркало.

«Это дурная шутка», – твердила она себе, минуя коридоры, освещённые тусклыми лампами со звёздной пылью. В замке пахло древностью, забытыми несказанными словами и тайнами, которые хранили стены.

Служанки, увидев Сибиллу, в растерянности последовали за ней, но хозяйка остановила их.

– Нет, – приказала твёрдым тоном. – Оставайтесь здесь.

Они замерли и удивлённо переглянулись.

Зеркало было надёжно укрыто в дальнем конце замка. Дверь, тяжёлая деревянная, скрывала ещё одну дверь. А за той дверью резко вниз спускалась лестница. А у подножья лестницы была решётка. А за решёткой – ещё одна дверь, поменьше. Чтобы войти в хранилище Зеркала, нужно было согнуться в три погибели.

Сибилла нащупала на своей груди ключ, висевший на цепочке. Ключ, несомненно, подходил к замкам от всех дверей. Однако странное чувство кольнуло сердце. Это ядовитый, едва заметный страх.

Последний раз она заходила сюда, чтобы поменять свечу, в которой огонь должен был гореть вечно.

¹ Так на Ахаруме называют глубокий подвал.

Ключ, к счастью, подошёл, и Сибилла громко выдохнула. Он открыл и следующую дверь, а затем ещё одну, и ещё. Темнота окутала девушку, как плотное тяжёлое одеяло. Запах плесени ударил в нос.

«Словно в гробу» – пронеслось в её голове.

Сибилла вдруг поняла, что не захватила с собой фонаря со звёздной пылью, чтобы хорошенько рассмотреть Зеркало. И тут же странный свет приблизился к ней из-за спины, разгоняя тьму. Затем шаги и голоса. Это Рудольф и Густав нагнали её. Она испытала странное чувство обиды и злости. Словно бы тайна, которую Сибилла должна была раскрыть, касалась только её и Зеркала.

– Ты в порядке? – Рудольф коснулся плеча дражайшей сестры.

Теперь они втроём стояли в сыром подвале, поглощавшем все звуки.

– Мапочка... – прошептала внезапно Сибилла.

Зеркало, как огромный древний исполин, возвышалось над ними, имея три метра в высоту и два метра в ширину. Накрытое плотной тканью, оно казалось призраком.

– Нужно взглянуть, – кивнул Густав, подталкивая Рудольфа.

Хранитель, такой же светловолосый с едва заострившимися чертами лица, был на год старше своей сестры, выше на голову, трепетнее внутри, однако решительнее снаружи.

Зеркало, обрамлённое старым тысячеletним деревом, ничего не отражало. Так было всегда. Оно только поглощало. Горе, скорбь, боль и гнев. И только слабый огонёк свечи отражался в нём.

Только теперь длинная трещина разделяла его, будто глубокая рана. Река смерти, расходившаяся на несколько ручейков.

Не в силах поверить в это Сибилла зажмурилась, а затем снова открыла глаза. Чёрная, широко разинутая пасть зеркала, вызывала ужас.

– Не может этого быть, – прошептала она. – Но как же?..

Девушка резка повернулась к Рудольфу. Он смотрел на неё огромными янтарными глазами, которые казались теперь почти чёрными. Или такими они стали из-за страха.

– Тёмные времена наступают, – сказал он.

– Неужели это правда? – Сибилла обратилась к офицеру, схватив Рудольфа за руку и крепко её сжав.

– Да, – произнёс Густав чёрство, как будто готовился к этому всю жизнь. – Всё правда. Монстры выходят из глубин тёмных миров. Необходимо что-то предпринять.

Её голова гудела, и земля словно бы дрожала под ногами. Или это только её душа трепетала, воспалённая страхом и болью.

– Мы собираем армию, – сказал Рудольф, обратившись к Густаву. – Чтобы защитить хотя бы малую часть.

– Да-да, конечно, – согласилась Сибилла и коснулась своими холодными пальцами лба, пытаясь собрать свои мысли. – Нужно отправиться в хижину.

Рудольф какое-то время молчал, не будучи уверенным в правоте этого решения. Но ещё он знал, что Сибилле не нужно его разрешение. Уж если она что-то решила, по-другому и не будет. Всё это время они не размыкали рук.

3.

В чаще зимнего леса, скрытая за древними деревьями, охраняемая древней магией, стояла хижина ведьмы Эстер. Хижина эта была совсем небольшая, покрытая дранкой, она возвышалась на деревянном столбе. Высота, однако, не превышала высоты деревьев. И не было здесь ступенек, чтобы войти в неё.

Накинув на себя мех, а сверху шаперон алого цвета, Сибилла не забыла прихватить с собою фонарь со звёздной пылью, лук и пару стрел. Если ткань между мирами порвалась, значит, есть опасность. Предчувствие чего-то жуткого не покидало её. Будто что-то большое надвигалось. Тень, таившаяся долго в забытых уголках души.

Хранительница выбежала в холодное утро, и снег на мгновение ослепил её. Так бывало всегда, когда глаза привыкали к сумраку бесконечных коридоров замка. Ещё секунду назад она подумала, что добраться на лошади до хижины будет быстрее. Но теперь приняла решение, что лошадь увязнет в снегу, не пройдёт в лесной чаще. Потому решила, что отправится в хижину сама.

Сквозь глубокий снег и дебри леса она брела до опушки два часа, не чувствуя усталости, не чувствуя даже холода. Её кровь бежала по венам так быстро, что, казалось, вот-вот закипит. Деревья расступились, не слышно было ни звука вокруг, пока она не подошла к опушке леса. Что-то зашуршало у неё за спиной, стремительно скрылось за деревьями. Сибилла оглянулась. Среди своих следов на снегу она увидела чьи-то ещё. Свежие, только что оставленные каким-то испуганным зверем.

– Эй, – закричала она в пустоту.

Звук её голоса разлетелся, испугав одинокую птицу, затаившуюся было в лесу. Но больше никого. Она поднялась на холм, где тут же начинался снова лес. Но в глубине, дальше по тропинке, виднелся слабый огонь. Это свет от хижины. Других домов здесь не было. До ближайшей деревни далеко.

Сибилла остановилась, замороженная, глядя, как ствол, на котором стояла хижина, вдруг начал изгибаться, будто живой, и хижина «присела», приветствуя гостя. Девушка подошла ближе, занеся руку, чтобы постучать в дверь, но та резко распахнулась, обдав лицо Сибиллы теплом и запахом корицы и лавра. Этот запах Хранительница помнила с детства. Помедлив мгновение, девушка сделала решительный шаг вперёд. Дверь медленно за нею затворилась.

В хижине горел свет. Окон здесь было немного, и все завешены прочными тканями. Эстер сидела у печки, помешивая что-то в котле.

– Я знала, что ты придёшь, – заговорила женщина, даже не обернувшись.

Она отложила деревянную ложку, а затем потянулась к трубке, плотно набитой табаком. Взяла маленькую щепку и поднесла к огню, а затем прикурила.

– Матушка, – заговорила Сибилла, делая осторожный шаг навстречу.

– Знаю, знаю, – Эстер обернулась, и на лице её играла лёгкая улыбка, а глаза сверкали тревогой. Глаза, которые когда-то так любил отец Сибиллы и Рудольфа. Матушка выпустила дым из рта, и хижина наполнилась ароматом табака.

– Как же так вышло? – спросила Сибилла, понимая, что объяснять что-то нет необходимости.

Ведьма встала с кресла. Она была ещё молода и хороша собой. Всего-то сто двадцать восемь лет с тех пор, как родилась. И примерно сорок на человеческий вид. Рыжие волосы ниспадали по плечам, густые брови слегка приподняты, высокие скулы могли, казалось, разрезать воздух. Только усталый вид.

– Зеркало материально, – сказала она. – В отличие от души.

И тут же в голосе её прозвучало что-то игривое.

– Но ты обещала...

– Нет, – остановила Эстер Сибиллу на полуслове. – Когда я создавала Зеркало сотню лет назад, дорогая моя дочь, я сказала, что оно будет стеною между мирами. Но я не обещала, что стену нельзя пробить.

Она снова затаилась трубкой, а затем сделала жест рукой, и дым, который заполнил комнату, вдруг куда-то рассеялся.

– Ты же можешь всё исправить! – голос Сибиллы задрожал, словно вырвался с силой после долгого ожидания.

Эстер покачала головой из стороны в сторону, поджав алые губы.

– Используй магию, сделай хоть что-то!

Сибилла упала на колени, жар охватил её нутро, сбегая тонкой струйкой по позвоночнику. Щёки зарделись, она ухватила пальцами за одежду ведьмы: длинный красно-оранжевый балахон.

– Знаешь, я должна была умереть лет сорок назад. Но мне нельзя, – ответила ведьма.

Девушка медленно опустила руки, выпрямилась. Огонь над зельем, казалось, вспыхнул ярче.

– Этого ты желаешь? Смерти?

Тишина заполнила хижину. Здесь было уютно и тепло. Но одиночество въелось в стены, превратилось в табачный дым, рисовало узоры на окнах.

– Магия бессильна против тени.

– И что это значит? Я не понимаю.

– Иной раз, знаешь, я чувствую в себе силу... Такую всепоглощающую. Это не зло. Но, кажется, она способна испепелить всё на своём пути.

– Ты... Выпустила её?

– Я? – Эстер вскочила с кресла, будто ужаленная. – Меня ранят твои слова.

И тут же Сибилла почувствовала укол совести, она опустила глаза и нахмурилась. Ей приходилось прятать свою любовь к той, кого она называла матушкой, так же тщательно, как и Зеркало.

– Я могу закрыть Зеркало, моя маленькая леди. Но оно будет трещать по швам снова, снова и снова, если...

Ведьма вдруг замолчала, как будто кто-то невидимый закрыл ей рот рукой. За окном, маленьким, едва ли пропускавшим свет, слышался шум ветра и шелест сосновых лап.

Сибилла вскочила с места.

– Если что? Говори же!

– Если не добраться до источника зла.

Ведьма неловко коснулась пальцами своей щеки, и теперь ещё больше казалась уставшей. Вкусно пахло от варева. Сибилла поняла, что очень голодна.

– Отправиться туда? По ту сторону отражения?

– Ты голодна. Садись.

Глава 2

1.

Мать склонилась над колыбелью и заунывно запела. Дрожащими руками взялась за край колыбели и начала укачивать её. Колыбель была пуста. Сегодня утром зло ворвалось в её дом, растерзало дитя на куски, и теперь там, за спиной матери, зияла рана. А ещё вчера малыш научился смеяться. Так заливисто и громко. Сегодня же всё, что осталось, – это подвесная птичка, похожая на перепёлку, и запах молока.

Чудовище, похожее на огромного соломенного человека, забрало его, младенца, с собой. Утащило, а безутешная мать кричала, надеясь, что крик этот поможет пробудиться от страшного сна. Вот только это был не сон. Мать ждала, когда же в колыбели кто-то зашевелиться, зальётся смехом или заплачет от голода. Она жмурилась, била себя по щекам. И вот, наконец, успокоилась. Протянула колыбельную. Это не может длиться вечно.

Дом, с такой любовью построенный её возлюбленным, теперь выл от горя. А где же возлюбленный? Соломенный человек унёс и его. Забрал всё, что было так дорого. Шли минуты, минуло несколько часов. Но кошмар так и не закончился.

Что же? Должно быть, самое страшное позади? Рука матери остановилась и пение прервалось. Худой силуэт с разбитым сердцем медленно пошевелился. Она согнулась и достала засапожный нож. Медленно выпрямилась, занесла нож и перерезала себе горло. Успев отойти подальше от колыбели, мать позаботилась о том, чтобы ни одна капля крови не упала на колыбель.

2.

И так было по всему Ахаруму – миру, плывшему по безбрежному океану неба. Территории Ахарума простирались от Севера с его лесными чащобами, тёмными тайнами и ведьминской магией до Юга, где глубокие озёра давали много рыбы, а птицы взмывали ввысь. На Востоке возвышались здания и плыли по земле кареты без лошадей, а на Западе кузнецы ковали ножи и кинжалы.

Никто не знал и не помнил, как появился плывший по небу остров. Кто-то говорил, что он был осколком древней звезды. А кто-то – что создан он чьей-то магией.

Но только одно ахарумцы знали точно: их мир охраняет Зеркало. Сто лет назад грешники посмотрели в него, чтобы навсегда избавиться от собственного зла. Шли годы, вырастали поколения, многое менялось на острове, только одно оставалось неизменным – вера в силу Зеркала.

Должно быть, кто-то разбил его, и теперь монстры выползали из глубин других миров, став воплощением страхов и кошмаров. Где-то на Севере живёт ведьма, обречённая на бесконечное повторение одного и того же дня, а на Юге, где не было зимою снега, стоял густой туман. И в этом тумане мальчишки на берегу озера вознамерились поймать хороший улов. Вот только увидели, как озеро закипело, круги разбежались, и один из них, Сэмми, вскочил на ноги:

– Братишка, ты видишь? – закричал тощий малец и указал пальцем.

Озеро закипало, начало дыбиться, как лошадь, желающая скинуть с себя ярмо.

– Бежим, Сэмми! Бежим! – закричал брат и бросился, не оборачиваясь.

Но Сэмми стоял на месте, замороженный. Наверное, он всё ещё надеялся, что это его большая рыба решила попасться на крючок. И где-то в глубине души он уже хвастался всем своим уловом. Как родители будут им гордиться, а город назначит его офицером, и все глашатаи будут кричать, разнося новости о его подвиге. О его большой рыбе.

Но то, что вышло из недр озера, не было похоже на гигантскую рыбину. Это было чудовище с двумя головами, у каждой из которых было по рогу, отходивших в противоположные стороны. Оно протянуло к Сэмми свои огромные длинные человеческие руки. Ей-богу! Они были человеческие. И только тогда мальчишка понял: не видать ему славы. Рыба эта – и не рыба вовсе, а страшный сон, чудовище, которым пугали его родители, когда Сэмми плохо себя вёл.

– Братишка... – прошептал Сэмми, и это были его последние слова.

Чудовище схватило его и разорвало маленькое тело пополам. Казалось, сделано это было только лишь для того, чтобы утолить свою жажду убийства, да и только. Не было в этом голодной нужды или защиты от опасности. Только ярость. Гнев.

И тут же недалеко, в соседнем Месте, в самом центре, где люди прогуливались по рынку в этот туманный зимний день; искали чего бы купить на ужин, рассматривали славных ямисов в клетках – круглощёких и пушистых питомцев с оленьими рожками и кроличьими лапками – воздух прорезал вопль призрачной лошади. Притормозила карета, и все ахнули в изумлении. Кто-то даже подумал, что это, быть может, театральное представление. Конь, чёрный, как космос, раздувал в ярости ноздри, его глаза сверкали огнём. Тишина звенела, словно падающая звезда. Из чёрной кареты выплыла чёрная фигура. Она не ступала по земле, ног её не было видно.

– Это ещё что за фокусы? – прошептал кто-то в толпе.

Фигура эта была покрыта чёрным саваном. Казалось, это непослушный ребёнок решил поглумиться над чужаками, накрылся толстым одеялом, решив поиграть в призрака. Тёмный извозчик поднёс свою призрачную руку, зажав в ней фонарь. Только это не был звёздный фонарь, к которому так привыкли ахарумцы. Кто-то взвизгнул от страха, и тут же из фонаря выползли языки кроваво-красного пламени. Огонь вспыхнул, охватив всех, кто стоял рядом. Пламя обняло людей, зажав их своей мёртвой хваткой. И спустя несколько минут, здесь не осталось никого. Несколько человек, охваченные огнём, заматались по площади, передавая смерть друг другу. Запах сторевающей плоти взмыл в воздух.

Глава 3

1.

Эстэр склонилась над огнём и поднесла руки, хотя в хижине не было холодно. Маленькие искры, как светлячки, начали роиться у её ладоней, проникая под кожу, и это было удивительно.

– Как выглядит то, что мы должны отыскать? – спросила Сибилла.

Ей показалось, что лёгкая усмешка скользнула по губам ведьмы. Но она не была злой.

– Отправимся в замок, – прошептала Эстэр. – И я покажу тебе в Зеркале.

Дочь хотела возразить, ведь в Зеркале не было отражения, в нём ничего нельзя было рассмотреть. А затем вспомнила, что её мать – не простая женщина. Не та мать, о которой Сибилла так сильно мечтала всю жизнь. Не та, что пела колыбельные и кормила грудью.

– Хорошо, – согласилась Сибилла. – Отправимся к замку сейчас, и когда едва начнёт смеркаться, будем там.

Эстэр наклонилась над котелком, в котором что-то варила прежде, сунула в него руку и достала длинную сверкающую нить. Свернула её и вложила в карман.

– Я знаю способ быстрее, – чёрные глаза Эстер засверкали, как у ребёнка, добравшегося до сладостей. – Идём.

Она, похожая теперь на маленькую девчушку, схватила Сибиллу за руку, и они вдвоём выпрыгнули из хижины. Ведьма подняла вверх правую руку, и хижина, покорно повинаясь, поднялась над землёй. Затем Эстер вложила два пальца в рот и громко засвистела. Что-то зашуршало в лесу, тёмное пятно показалось между деревьев. А затем Сибилла увидела огромную чёрную морду. Волк!

Такого размера волков она никогда не видела. Величественный, из пасти его вырывались клубы пара, он бесстрашно шёл на них, как лавина.

– Спокойно, дочь. Он не причинит тебе вреда.

Волк вплотную подошёл к Сибилле. Ей приходилось напрягать шею, чтобы рассмотреть гиганта. Он был выше в два раза, не меньше, и теперь с интересом обнюхивал ведьмину дочь.

– Красавец, правда? – невозмутимо спросила Эстер.

– Откуда?..

Ведьма сделала жест рукой, указывая волку пригнуться. Он повиновался. Эстер с лёгкостью запрыгнула на него, как на лошадь. Сибилла в ужасе наблюдала за этим, не в силах пошевелиться.

– Давай, дорогая! Прыгай! Мы домчимся к замку так быстро, что не успеешь моргнуть.

Она улыбалась, обнажая свои большие белые зубы, словно бы это было лучшее развлечение в жизни. Сибилла забралась на волка с трудом, и всё же не хотела, чтобы мать видела её страх.

– Держись крепче, – приказала Эстер, и они помчались по заснеженному лесу, вдоль высоких деревьев, оставляя после себя облако снежной пыли.

Порою казалось, что волк не бежит, он летит, не касаясь даже земли. И правда, домчались они так быстро, что Сибилла едва ли смогла сделать десять вдохов. Как только они оказались у замка и ступили на землю, волк тут же умчался, скрывшись в лесу, не оставив после себя ни единого следа.

– Рудольф не поверит мне, – прошептала Сибилла, провожая его взглядом.

Эстер довольно улыбнулась, забыв ненадолго, как когда-то такой же зимой жители окружили её дом с факелами, требуя вывести ведьму на казнь. Было это сотню зим назад.

Слуги, увидев ведьму, в страхе расступились. Рудольф, не видевший мать много дней, остановился у ворот. Её же глаза наполнились нежностью и любовью. В этом взрослом юноше она вдруг увидела его отца. И Вилли. Хотя были они совсем не похожи.

Ведьма сделала решительный шаг вперёд, но Рудольф отступил. В лице его читался страх и жалость. И что-то ещё, едва уловимое скрывалось в его янтарных глазах.

Оба они, Сибилла и Рудольф, вышли из её чрева в один и тот же день, но были больше похожи на отца. Она, ведьма, сама так захотела. Помня то, что с нею произошло.

Рудольф схватил Сибиллу за локоть и прошипел на ухо:

– Зачем она здесь?

Девушка вырвалась, а немного погодя, ответила:

– Это её Зеркало, братец. Пусть взглянет на него.

Три служанки снова окружили Хранителей, как будто хотели оградить их от чар ведьмы. Эстер подняла голову так, чтобы одним лишь взглядом возвышаться над ними. Её чёрные глаза, слегка прикрытые веками, казались сонными. Но они видели больше, чем явь. Её сердце по-прежнему билось, пусть даже ей и было сто двадцать восемь лет от роду. Но была ли она жива?

Замок казался огромным, не удивительно: после хижины. Но таким одиноким. Он был похож на белую корону неведомой королевы, с несколькими пиками и башнями. Но Зеркало таилось где-то в глубине, под землёй.

Сибилла медленно сделала шаг в сторону замка, указав рукою остальным двигаться за ней.

Вдруг что-то с шумом пронеслось у них над головами, огромными крыльями заслонив дневной свет. Это был Сорайо – не то птица, не то летучая мышь, покрытая перьями. Но всё же клюва у него не было. А морда скорее походила на щенячью.

Эти летучие псы имели больше преданности, нежели стремления к свободе. Потому их стали использовать в качестве разносчиков вестей. В пасти у Сорайо был конверт. Пёс сел на руку Рудольфа, к которой давно привык, и стал играть

– Эй-эй! – раздражённо пропел Хранитель. – Давай же мне это письмо.

И пёс, услышав строгий тон, тут же повиновался, приложив свои маленькие ушки к голове. Но, забрав письмо, Рудольф не стал прогонять Сорайо, а почесал его под крылышком.

– Молодец, хороший мальчик, – оттаял Рудольф.

Он вскрыл конверт и, не сбавляя шага, начал читать.

– Что там? Говори же! – не удержалась Сибилла.

Но Рудольф молчал. Как-то было неловко говорить о делах при ведьме.

– Дай же мне это письмо! – вскрикнула Сибилла и вырвала лист из рук Рудольфа.

Высоко почтенные господа, Хранитель Рудольф и Хранительница Сибилла. Этим письмом подтверждаю объявление мобилизации для охраны всего нашего мира Ахарума, его Юга, Севера, Запада и Востока. Этим извещением утверждаю свою верность службе и судьбе, уготованной нам. Мы вверяем Вам свои жизни и веру в то, что Вам удастся справиться с горем, постигшим наше Зеркало.

Если будут известия, прошу отослать их с Сорайо.

Офицер Густав Парелли Средний

– Будут ли у нас вести... – прошептала Сибилла.

Толпа – Хранители, ведьма и три служанки – вошли в замок. Чьё-то сердце ёкнуло в тишине. Стены хранили воспоминания. В свете фонарей из звёздной пыли Эстер удалось

рассмотреть убранства: не слишком роскошные (королей здесь не водилось), но и не скромные. Мебель чудного приглушённого бирюзового цвета соседствовала с комодами из цельного дерева. Яркие ковры на полу заглушали звук шагов. И внезапно Эстер застыла как вкопанная.

Со стены на неё своими строгими глазами глядел он. Говорят, сердце у ведьмы не толкает горячую кровь, оно сделано из льда. Но то были только слухи. Ей казалось, что вот-вот, и сердце, как раненый зверь, сделает ещё пару резких движений, – и навсегда остановится. Влага проступила у неё на лбу. Руки задрожали. У него, человека на портрете, были пшеничные волосы, янтарные глаза и едва заметная улыбка. Несколько резких морщин на лбу придавали серьёзный вид, но не делали его старым.

Её дети, словно почувствовав страх матери, обернулись. И даже у Рудольфа что-то дрогнуло внутри. Он осмотрел ведьму с ног до головы, и всё ещё не мог поверить в то, что ей больше сотни лет.

«Моя дорогая матушка» – внезапно пронеслось в его голове. Он в ужасе отмахнулся от этой мысли, как будто невидимая пчела ужалило его где-то в затылок. Было больно. Но он не позволит этой боли ранить его сердце. Ведь мать бросила их, как только они родились.

Его лицо сразу же приняло суровый и надменный вид, и на фоне портрета отца Рудольф казался его копией.

– Идём же!

Его голос громом прозвучал в коридорах замка. Сибилла вздрогнула, но не возражала.

2.

Зеркало всё так же стояло, раскрыв свою язву-трещину – свидетельство и причину зла, пробравшегося в мир. А рядом горел огонёк свечи. Огонёк этот горел непрерывно уже сотню лет, только свечи менялись. И каждый, кто хотел отразиться в зеркале, брал этот огонёк в руки, и тогда отражение принимало чужое зло.

Эстер напряжённо вглядывалась в Зеркало, как будто читала книгу. Но в Зеркале ничего не отражалось. Тьма – это единственное, что можно было разглядеть в нём. Ведьма подошла поближе, так близко, пока между ней и Зеркалом не осталось пространства вовсе. Казалось, её дыхание отпечатывалось тонким слоем испарины на гладкой поверхности. Она прижалась лбом к Зеркалу, Сибилла и Рудольф посмотрели друг на друга растерянно, не смея даже пошевелиться. Служанки, стоя позади Хранителей, держали в руках звёздные фонари, холодный свет которых окутывал помещение.

Ведьма резко обернулась и чёрными глазами посмотрела на своих детей. В это мгновение странный сквозняк пробежал по волосам брата и сестры, охладил их бледную кожу, застудил в жилах кровь.

– Смотрите! – закричала она, и тут же тьма в Зеркале исчезла.

Вместо неё появились цветные картинки, словно другой мир ожил, и можно было просто протянуть к нему руки. Сибилла сделала шаг назад, глаза не могли привыкнуть к яркости. Она помнила саму себя с тех пор, как сделала первые шаги в этом замке. И столько же времени помнила Зеркало. Но никогда в нём ничего не отражалось, и никогда оно ничего не изображало.

Они увидели мир, в котором толпы людей кричали что-то едва уловимое. Трудно было понять, что их беспокоит.

– Слушайте, – прошептала ведьма.

И её дети прислушались.

«...ма! ...ма! Ведьма! Ведьма!» – вот, что кричала обезумевшая толпа. Женщины, мужчины и, кажется, даже дети, с горящими факелами в руках, в бедных одеждах и яростью на

уставших лицах. Они бились, стучали, ломились в двери старого обветшавшего дома с криками: «Выходи, Ведьма!».

И тут Рудольф резко вдохнул, поняв, что ведьма – это его мать. Тогда давно. Должно быть, сотню лет назад.

И вот толпа уже в гневном танце поджигает дом ведьмы на краю земли. На конце света. На берегу Ахарума. Молодая девушка в ужасе выбегает в одной лишь ночной сорочке. И правда, это была Эстер. Только сейчас Сибилла поняла, как всё-таки постарела её мать. В Зеркале рыжеволосая, совсем ещё молодая девушка, схваченная разъярённой толпой, в растерянности кричала и звала на помощь.

«Детоубийца! – кричала толпа. – Ведьма!»

«Как вы можете! Я не убивала! Это вы! Вы убили моего Вилли!».

– Вилли, – прошептала Сибилла.

Её старший брат, который навсегда остался в царстве смерти маленьким мальчиком. На Ахаруме многие верили, что души после смерти отправляются в зазеркалье, там и остаются.

Тайна гибели Вилли так и оставалась нераскрытой. Эстэр молчала, глотая боль, а жители говорили, что она сама убила его, вонзив в его сердце магию. Очернив его, сделав заложником зла.

Но Сибилла никогда не верила этим слухам. Иначе их отец не смог бы полюбить убийцу. Не мог бы доверить ей рождение своих детей. А вот Рудольф верил. В конце концов, все не могли ошибаться. Поэтому злость на мать разрасталась в его душе, пуская корни в каждую частичку тела.

Ведьму несли на сожжение, крича и беснуясь. Зрелище это было жуткое и неприятное, так что Сибилла даже на мгновение зажмурилась. Кто-то из служанок ахнул и выбежал из пивницы, не в силах смотреть на этот ужас.

И, хоть Хранители знали, что Эстэр осталась жива, всё же где-то внутри kloкотал страх. А вдруг она погибнет? А вдруг всё это – всего лишь сон? И не было никогда Зеркала? Но, значит, и их никогда не было?

Ведьму ведут к столбу, внизу которого уже уложен хворост. Тело её обмякло и, казалось, совсем перестало сопротивляться.

«Последний твой шанс, Эстэр» – кто-то подошёл к ней и шепнул на ухо. В Зеркале видны лишь были его губы. Ведьму привязывают к столбу. В её глазах пылает ужас, которого доселе никто не видел.

Она кричит: «Хорошо! Хорошо! Я сделаю, как хотите!».

Девушку развязывают, но десятки рук не выпускают её. Сумела бы она убежать? Её тело обессилено, её глаза наполнены слезами.

«Хорошо, – шепчет она. – Хорошо».

Десятки ртов тянутся к её прелестному молодому лицу в яростном стремлении что-то сказать. Она пытается укрыться от них, закрывает глаза, отстраняется, как от прокажённых. А ведь они и вправду похожи на прокажённых.

Ведьма указывает пальцем куда-то вдаль, и её ведут к тому месту. Ставят на невысокую площадку. Двое крепких мужчин держат её руки сзади, словно она узница. Она опускает голову, но её взгляд устремлён прямо. И от этого взгляда у Хранителей пробежали мурашки.

Как странно было сейчас наблюдать историю своей матери ещё до собственного рождения. Что-то защемило внутри у Рудольфа. Странная жалость к этой женщине. Быть может, конечно, она заслужила ненависть, но и заслужила право ненавидеть.

«Каждый из вас, здесь стоящих, и каждый, кто сейчас сидит в своём тёплом и уютном доме, должен взять зеркало, – она останавливается в своей речи и сглатывает слюну. Дыхание никак не может восстановиться. Грудь сдавило. – Должен взять зеркало и разбить. Самый большой осколок принести мне... Каждый!»

Это последнее слово прогремело, как лавина. Спустилось на город, до неузнаваемости изменило Ахарум.

И вдруг картинка в Зеркале изменилась, и теперь, стоявшие в пивнице, увидели молодую Эстэр. Она сидит у камина и что-то напевает себе под нос. Её нежный ласковый голос отозвался эхом в памяти Сибиллы. Она слышала этот голос. Точно слышала. В детстве, когда мать пела, склонившись над колыбелью. Удивительным образом в её памяти мать и Эстэр были словно разными людьми. Странную шутку с человеком порою играют его мысли. А душа и того хуже.

Перед ведьмой, на полу, аккуратно разложены осколки зеркал. Они небольшие, сверкают, как первый снег в лунном свете. И если прислушаться, казалось, можно было услышать даже их голоса. Они, голоса эти, похожи на детский смех. Эстэр держит в руке дивную иглу с серебряной звёздной нитью и сшивает осколки между собою.

Сибилла медленно сделала шаг вперёд, чтобы хорошенько рассмотреть. Не верилось, что Зеркало, перед которым она стояла, было создано вот так. Почти соткано.

– Не может быть... – прошептала она.

В уголках губ Эстэр снова заиграла улыбка, вот только никто её не увидел.

Зеркало было готово. Рождённое из заклинания, сорвавшегося с губ ведьмы, из серебряной нити, заговорённой от зла, из множества людских историй. Из осколков зеркал, хранивших в себе человеческий страх и стыд.

Теперь Хранители увидели, как Зеркало величественно возвышалось над городом, здесь, на холме, где теперь стоит замок. И к нему подходят люди, они выстроились в длинный ряд. Они смотрят в Зеркало, и видят в нём своё отражение. Но как же так? Зеркало никогда ничего не отражало. По крайней мере, сейчас.

Но жители Ахарума смотрелись в Зеркало, выпуская в него зло, которое, как считалось, было следствием чёрной магии. Тьма спустилась на небесный остров, изменив облик людей, сделав их души чёрными. Одна надежда была на Зеркало. Оно примет в себя всё зло, и в мире воцарится покой.

– Так и случилось, – вдруг заговорила Эстэр. Но не та, что была в прошлом, а та, что теперь стояла здесь. – Зла больше не было, а я... Навсегда осталась пленницей.

Ведьма тяжело вздохнула, как будто не могла сказать то, что так хотела.

– Вот только ты не показала всё, – внезапно раздался голос Рудольфа, врезался в стены и бесследно пропал. – За что они тебя хотели казнить!

Он подбежал к матери и, казалось, ему едва достало терпения, чтобы не схватить Эстэр за горло. Но ведьма снова горделиво подняла голову. Будто готова была к удару и подставляла щёку. Но удара не было. Рудольф сжал кулак, но тут же расслабил руку. Он вдруг почувствовал до дрожи знакомый запах. Нет, он не помнил его. Не мог найти в своей голове ту маленькую комнатку, в которой хранился этот аромат, но сердце знало. Это запах корицы и лавра. Запах тепла и того, что, казалось, Рудольф искал всю жизнь, но так и не мог найти.

– Я не убивала твоего брата, – очень тихо и осторожно произнесла Эстэр. Но не губами. Слова эти, как невидимые пташки выпорхнули из её мыслей и проникли прямо в сознание Хранителя Рудольфа.

Кто-то мягко коснулся плеча молодого мужчины. Сибилла. Сестра. Единоутробная и единокровная.

– Хватит, Рудольф, – сказала она ласково.

Воцарилось молчание. Тишина казалась вечной, хотя и было ей всего пара секунд – не больше. Мать кивнула, будто дала ответ на вопрос, который никто не задавал.

– Нити не вечны, – заговорила Эстэр. – И я всегда это знала.

– Из чего они? Откуда? – спросила Сибилла.

Рука ведьмы медленно поднялась, и пальцем она указала на один из фонарей, которые держала в руках служанка. Та задрожала в ужасе и едва не выронила фонарь. Хотела сорваться с места и бежать, как та, другая.

– Пыль, – голос ведьмы был уставшим.

Звёздная пыль была поистине удивительным веществом. Его добывали с поверхности Ахарума. По преданию огромная звезда взорвалась, оставив после себя миллиарды мельчайших частиц. Эти частицы обладали нескончаемым запасом энергии, были источником света и жизни. Тот, кто находил запасы пыли, становился богатым человеком. Иной раз желание обладать ею становилось таким сильным, что очерняло сердца ахарумцев. Они грабили, а иногда даже убивали. Звёздная пыль была причиной, по которой люди нуждались в защите и создали армию. Но никогда чернота сердец не становилась немыслимой. Кровь не текла реками, власть не одурманивала большинство из них.

– Разве пыль может закончить свою энергию? – спросила Сибилла.

Ведьма неожиданно засмеялась, но не из злости. А, скорее, из доброты.

– Пыль нет, дорогая моя. Магия – да. Она имеет срок годности.

И как только слова эти были произнесены, ведьма вдруг как-то ослабела, стала меньше и тоньше. Ноги её подкосились, она едва не упала, но Рудольф, гонимый странным инстинктом, подхватил тело матери. Как странно это было. Они взглянули друг другу в глаза, и по телу Рудольфа пробежали мурашки. Но в том не было ни магии, ни страха, ни даже омерзения, которое ещё недавно им владело.

– Принесите кресло, – приказала Сибилла служанкам. Те не двинулись с места, стояли, как зачарованные. – Ну же!

– Вне хижины я слабею. Мой дом даёт мне силы.

Сперва Сибилла не решалась спросить, слова застревали комом в горле, становилось невыносимо здесь, в пивнице, рядом с Зеркалом.

– Не мучайся, детка, – сказала Эстэр. – Я слышу твой вопрос. Этот замок никогда не был мне домом.

– Но ты жила здесь.

– Жила, – Эстэр улыбнулась, пока Рудольф всё так же преданно поддерживал её. – Человек жив, пока живёт в нём любовь. А здесь любви никогда не было.

Глаза матери сверкнули в темноте, хотя и были чёрными, как сажа. Как самая тёмная ночь в году.

– Здесь был только страх. Бесконечный страх. Я боялась умереть и боялась жить вечно.

Сибилла хотела спросить ещё так много, но теперь даже мысли вызывали в ней страх. Ведьма всё слышала, всё знала, всё видела. Служанка вбежала в пивницу, таща с собой кресло. На лице её отпечатался страх и тревога. Эстэр села и вдруг закрыла лицо руками и взвыла, как дикий зверь. Хранители переглянулись между собой. Рудольф, уставший от этих «семейных» разговоров, прервал плач матери:

– Хватит! Говори, что нам делать?

Но ответ ему дала не ведьма, а сестра.

– Должны отправиться по ту сторону Зеркала, чтобы найти источник этого зла.

– По ту сторону... Зеркала? Сестрица, да ты рехнулась?

Раздражение залило краской щёки Сибиллы. Как когда-то в детстве, когда брат и сестра не могли поделить между собою игрушки. В ход шли ругательства и тумаки, пока отец, сотрясая воздух громкими проклятиями, не разнимал маленьких драчунов. Вот и сейчас Сибилле хотелось дать по лбу своему брату, подставить подножку, ущипнуть за бок. Но то был неподходящий момент. Да и возраст уже не тот.

– Я открою для вас «дверь», – произнесла Эстэр. Сил у неё становилось всё меньше. – Только будьте осторожны. И лучше бы вам отправить это... – она сделала жест рукой, как будто писала, – письмо, чтобы вам дали помощников. Там выжить трудно.

– Это безумие! – крикнул Рудольф в пустоту.

– Что там? На той стороне? – спросила Сибилла.

– Я не знаю, – прошептала ведьма.

– Почему бы тебе не создать ещё одну нить и не шить трещины? – снова голос Рудольфа, сухой и строгий.

Эстэр медленно встала с кресла и, шаркая ногами, подошла к Рудольфу. Теперь-то он почувствовал страх. Женщина подняла руку и прикоснулась к щеке сына. Едва ощутимая щетина кольнула ладонь. О, как он был похож на своего отца! Вот только что-то всё же она передала этому юноше. Жажду справедливости. Вот что.

Рудольф не шелохнулся. И снова этот запах, как нож, ковыряющий старую гнойную рану.

– Это будет повторяться снова, снова и снова, пока источник не будет уничтожен, – сказала Эстэр.

– Как оно выглядит? Как мы узнаем, что это оно? – прервала её Сибилла.

Ведьма продолжала пристально смотреть Рудольфу прямо в глаза.

– Быть может, оно выглядит, как бог. Самый прекрасный и ослепительный. Вы не спутаете его ни с чем.

– Почему бы тебе не пойти с нами? – спросил Рудольф.

Голос его был теперь покоен. Страх растворился, уступив место надежде. Мать опустила веки, и теперь можно было рассмотреть каждую её ресничку. Вот одна, кажется, упала ей на щёку и теперь заманчиво просила загадать желание. Теперь можно было рассмотреть каждую её морщинку, и даже шрам в уголке губы. Откуда он?

– Здесь должен остаться хотя бы один Хранитель, – ответила она. – Чтобы поддерживать огонь свечи. Иначе мир рухнет.

Рудольф схватил мать за руку и отстранился. Он чувствовал, что что-то здесь было не так, но не мог понять, откуда шло это чувство. Не сводя глаз с Эстэр, Рудольф сказал:

– Сиби, нужно призвать Сорайю и передать послание для Густава. Нам нужны люди и оружие.

3.

Яркий свет ослепил Сибиллу, когда она наконец-то вышла из замка. Хотя день клонился к закату, где-то на горизонте, за холмом растекался по небу красный бархат уходящего дня, здесь всё ещё было ярче, чем в пивнице.

Хранительница сложила ладони у лица так, чтобы звук разлетался как можно яснее, и просвистела в воздух удивительную тягучую мелодию. Из рта лёгкой струйкой вышел пар. На свист прилетел Сорайю и сел покорно ей на плечо. От тяжести Сибилла немного пригнулась. Она протянула конверт, и летающий пёс тут же схватил его лапой. Для него не было ничего лучше, чем выполнять поручения своих вожakov. Это была такая игра. Но сейчас даже Сорайю почувствовал угрозу. В воздухе незримо витало что-то устрашающее, что-то враждебное. Его острый нюх, слух и взор могли уловить малейшие изменения в окружающей среде. И теперь он понимал, что нужно торопиться доставить послание хозяину.

Сибилла проводила взглядом не то птицу, не то пса, а затем вернулась в замок.

– Ночь надвигается, становится холодно. Переместимся в гостиную, – предложила Сибилла.

В гостиной слуги зажгли камин. Тепло медленно просачивалось в комнаты, ласкало руки и лица. Все молчали, будто застыли в ожидании страшного суда. Служанка внесла немного колбасы и хлеба, чтобы Хранители подкрепились. Эстэр окаменела, слушая здесь тихий шёпот прошлого.

И снова тишину нарушил Рудольф:

– Как же умер Вилли, если не ты его убила?

Эстэр вздрогнула, выпрямилась, услышав, казалось, призрака. Мягкий свет от камина освещал половину её лица, делая его черты ещё более острыми, чем обычно.

– Не стоит ворошить прошлое. Это ничего не изменит.

– А как же тогда узнать правду?

Мать подняла глаза и снова устремила взгляд на сына.

– Правду никто не знает. В неё просто верят. И ты веришь в ту, которая нужна тебе.

Во дворе что-то зашуршало, заходило, забегало. Хранители прислушались, а Эстэр повернулась к камину, взяла кочергу и медленно и размеренно разгребала угли. Кто-то вошёл в замок, быстрые шаги послышались в коридоре. Холод снова пробрался в замок.

Офицер Густав вбежал в гостиную, но застыл, как будто неведомая сила установила между ним и Хранителями преграду.

– Добрый вечер, офицер, – улыбнувшись, сказала Эстэр, всё так же глядя на огонь в камине. – Мы вас ждали.

– Что она здесь?.. – начал было он, но Сибилла встала с кресла и остановила его.

– Прошу вас, офицер. Хватит на сегодня нервов.

– У нас с офицером долгая история, – ведьма всё так же улыбалась, но теперь бросила лукавый взгляд на Густава. – Правда?

Она взяла кусок колбасы и закинула в рот. А затем начала жевать медленно и со вкусом. Теперь-то она казалась девчонкой лет пятнадцати, игривой и задорной. Словно вся её усталость вмиг растворилась, куда-то исчезла. Густав растерянно смотрел по сторонам. Никто и никогда его таким не видел.

– Я, – сказал он. – Я... – но никак не мог закончить фразу.

Эстэр поднялась с кресла и проплыла к офицеру. Нет, в самом деле, ноги её даже не касались пола.

– Привёл армию, – закончила фразу ведьма.

Офицер был на голову выше, так что Эстэр смотрела на него снизу вверх, распахнув свои большие чёрные глаза. Длинные рыжие волосы рассыпались по плечам. О, да, у офицера и ведьмы была давняя история. Полная ненависти и любви. Он ненавидел её и считал исчадием ада, детоубийцей. Но разве мог он не влюбиться в её чёрные глаза? Он служил отцу Хранителей верой и правдой до самого дня его смерти. Но каждый миг в тайне желал обладать его женою, матерью его детей. Этой чаровницей, колдуньей, верховной жрицей. Он испытывал трепет перед её властью над Ахарумом, и он ненавидел её за эту власть.

Обладать ею было смерти подобно, потому всё, что ему оставалось, – это изредка приходить в её хижину.

4.

Ночь опустилась на Север, снег искрился в свете звёзд и звёздной пыли.

Несколько сотен солдат выстроились на холме у замка, святилища Зеркала. Они учились искусству сражений, но никогда не участвовали в них, потому что на Ахаруме никогда не случалось войн. А с кем, собственно, им было воевать, если остров был одним большим домом? Война, которую вели ахарумцы, была невидимой. И боролись они не с внешней угро-

зой, а внутренней. Война шла тихо, под покровом ночи, где женщина оплакивала безутешно ушедшую молодость. Или днём, когда отец в отчаянии наблюдал, что не стал примером для собственных детей. Или даже маленький мальчишка боролся в сомнениях, поделиться ли пряником с сестрой?

Но теперь война была реальной. Угроза пришла не сверху, с неба, не снизу, а с параллельных миров, отделённых от Ахарума невидимой стеной, тончайшей прозрачной плёнкой.

Эстэр первой вышла навстречу армии, она окинула взглядом присутствующих, словно снова стала хозяйкой замка. Под её ногами снег издавал звонкий хруст. Этой ночью стало так холодно, что даже небо, казалось, покрылось льдом.

– Они все готовы, – прервал Густав раздумья своей несбывшейся возлюбленной.

Но она даже не повернула головы в его сторону.

– Солдаты не нужны, – произнесла ведьма. – Нужны простые люди.

– Что?! – возмутился Рудольф.

– Там, куда вы отправитесь, солдаты не помогут. Нужны избранные ахарумцы. Девять людей

Нервный шёпот пробежал между рядов солдат. Эстэр вдруг снова вспомнила ту толпу, нёсшую её к столбу, чтобы сжечь. С тех пор прошло много лет, и сменилось несколько поколений. Но одно оставалось неизменным – вера человека в то, что он первопроходец. Первопроходец в мыслях, чувствах и словах. Она же слышала уже всё это много раз. И конца не было гулу этих голосов. Ей нужно было «прочитать» каждого. Услышать страхи, увидеть стремления.

– Передай ахарумцам, офицер, пусть все сидят дома этой ночью. А утром те, на чьих дверях будет висеть обрывок нити из звёздной пыли, должны будут явиться немедленно в замок.

Густав не мог поверить своим ушам. Рудольф, отстранившись, закрыл лицом руками. О, как ему не хватало в этот момент отца! Он взывал к нему неслышно, мысленно. Схватил руки сестры: от ладоней всё ещё пахло пряниками. Она носила их на могилу Вилли.

– Ты совершаешь ошибку, ведьма, – сказал Густав. – Я здесь офицер.

– Там, господин офицер, другая война, – ответила Эстэр.

Проводив офицера и солдат до ворот, ведьма сорвалась с места и побежала в замок. Сибилла двинулась за нею. Казалось, усталость ведьмы как рукой сняло.

– Глупый, глупый! – приговаривала Эстэр себе под нос.

Она искала в комодах, забегала в комнаты.

– Что ты ищешь, мама? Я помогу.

– Записи! – сказала она. – Записи с именами.

– Именами кого?

Ведьма обернулась и посмотрела в янтарные глаза своей прекрасной дочери.

– Людей, что смотрели в Зеркало. Где они?

Сибилла опустила голову и нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

– Мы не вели записи, – ответил за неё брат.

Мать застыла в ужасе. Повернула голову.

– А ваш отец, господин Оливер?

– Он сжёг все бумаги, оставленные тобою. Говорил, что жал, пока мы подрастём, чтобы сделать это.

– Мерзавец, – прошептала она, а затем добавила громко. – Хотел, чтобы вы видели, как он меня ненавидит!

– Не говори так, матушка, – взмолилась Сибилла.

Рудольф почувствовал, как гнев в нём нарастает. Не любил он, когда кто-то плохо вспоминал об отце. А тем более, слышать такое из уст ведьмы.

– Ладно, – сказала ведьма и закрыла глаза. Кто-то из слуг закашлялся, и она не удержалась, закричала: – Тихо! Мне нужна тишина.

Эстэр застыла. И только ветер за стенами замка изредка завывал. Да, казалось, кто-то тихо хрустел снегом.

– Я должна взглянуть в Зеркало, – сказала она, и дети двинулись вслед за нею. – Одна...

Сибилла и Рудольф остановились. Брат схватил сестру за рукав и, не глядя на неё, произнёс:

– Неужели мы позволим?..

– Пусть идёт, – оборвала его Сибилла.

5.

Огонь свечи не гас годами. Его передавали от свечки к свечке, чтобы он освещал мутное Зеркало. Для того и нужны были Хранители. Дочь её задавал вопрос, зачем нужна свеча? И Эстэр, подхваченная собственным воображением, всегда придумывала разные истории. Про драконов, которым нужен огонь. Про пастухов в зазеркалье, которые идут на свет свечи. В общем, разного рода выдумки. А правду не говорила никогда.

Теперь она лишь надеялась, что Зеркало покажет ей тех, чьи души стали пленниками его оков. Как давно это было! Двадцать лет назад, когда у детей её ещё не отрасли и зубы, она покинула замок. Ушла, в чём мать родила. Должна ли она помнить тех, кто смотрелся в Зеркало?

Но вот на нём появились лица.

Вот женщина и мужчина держатся за руки и глядят из Зеркала прямо на неё. Глаза их горят, сердца пышут страстью. Раз! И нет огня в глазах. И сердца потушены.

А вот мальчишка, совсем младенец. О, как глуп был Оливер! Неужто можно было у младенца усмотреть зло?

А вот ещё малышка, светловолосая, как Сибилла, но голубоглазая, как призрак. Касается пальчиком пальчика её сына, Рудольфа. А потом глядит в Зеркало.

И ещё один мужчина, совсем молодой, но отчаявшийся в страданиях.

Она увидела в Зеркале девять людей. Девять загубленных жизней. Девять пустых и печальных.

Ведьма выбежала из пивницы и, не обращая внимания на взволнованных своих детей, приказала слугам седлать лошадь.

– Я поеду с тобой! – не могла успокоиться Сибилла.

В этом была разница между её детьми. Рудольф – спокойный, рассудительный, сдержанный. Сибилла – пылкая, чувственная и иногда слишком горячая. Однако нутро их скрывало тайны, которые ведьма видела насквозь. В груди сына билось ранимое сердце. А внутри дочери жил жёсткий дух. И оба они дополняли друг друга, как день и ночь. Север и Юг. Добро и зло.

Она, Эстэр, знала, что Рудольф хотел бы последовать примеру сестры. Да не мог. Гордость не позволяла. Она взглянула пристально на сына, ожидая, что тот смягчится и поддастся своему внутреннему порыву. Нет. Он отвернулся.

Ведьма велела дочери скакать на лошади за нею, не отставая. Им нужно было преодолеть долгий путь, чтобы найти девять домов и оставить девять обрывков нити.

6.

К утру, когда было ещё, однако, темно, а рассвет только начал заниматься, у ворот замка столпились люди. Путь ведьма оставила лишь девять обрывков, много ахарумцев хотели отправиться в зазеркалье.

– Мне нужна женщина, – громко крикнула Эстэр, – у которой есть дети, дом и очаг. Прекрасная, с волосами яркими, как утренняя звезда. И супруг её, высокий и статный. Рук они не отрывают друг от друга. И молодая женщина, которой снятся яркие сны. В этих снах она видит будущее и прошлое, соприкасающиеся друг с другом в танце бога смерти. Она читает то, что запрещено. И порою видит то, чего не видят другие...

Всеобщий возглас сотряс толпу. Неужели среди них была ещё одна ведьма? Девушка в голубом плаще и капюшоне вышла вперёд. В темноте рассвета её лицо казалось белее снега. Но всё, что можно было рассмотреть, – это её алые губы и тёмные глаза. Она не боялась Эстэр. Звали девушку Тера, была она весьма высокой и статной. Ей снились сны о богах и истерзанных душах. Она слышала чужие мысли и думала, что сходит с ума. Родители её строго-настрого запретили ей говорить об этом хоть кому-то, и всегда приводили в пример ведьму Эстэр, которую едва не сожгли на костре. И вот теперь она тут. Стоит перед ведьмой. И нет ничего прекраснее, чем чувствовать родство душ незнакомых друг другу людей.

Они не сказали друг другу ни слова. Только обменялись короткими взглядами. Тера заняла своё место рядом с другими избранными. Сибилла прижалась поближе к Рудольфу. Было холодно. Где-то в воздух взмыла утренняя птица. Долго ли так они смогут простоять здесь?

Эстэр подняла руку, сделала ловкое движение пальцами и внезапно здесь же, в центре перед ними вспыхнуло пламя, прямо на снегу, осветив весь холм ярким светом. Стало тепло. Она игриво посмотрела в глаза дочери и подмигнула. Снова прочитала мысли.

– Мне нужен юноша, игривый, как ребёнок, и смелый, как волк, который домчал меня сюда. Юноша со звонким именем...

Не успела она закончить, как юноша выбежал из толпы.

– Я Оскар! Это я!

На вид ему было не больше семнадцати.

– Эй! – закричал Густав. – Как ты сюда попал?

– Стой! – остановила его Эстэр. – Он там, где должен быть.

– Но он же совсем юнец.

Он остановил юношу своею жёсткой рукой.

– Послушайте, офицер. У меня нет родных, нет семьи. И нет даже братьев и сестёр. Я всю жизнь был дураком. Мне не от кого уходить, и нечего терять. Я живу в сиротском приюте.

Офицер сдался, ослабив хватку. И Оскар, счастливый, встал рядом с Сибиллой. Он был тощим, как ветка, и резвым, как щенок. Волосы чёрные, как душа дьявола, но сердце... Сердце пылало огнём.

– Кто-то здесь среди вас имеет дело со зверем. Большим и опасным зверем.

Послышались медленные шаги. Кто-то не спешил, и не был таким прытким, как юноша Оскар. Вперёд вышла ещё одна женщина. На лице её виднелся глубокий шрам, должно быть, полученный ею в битве со зверем. Хранители узнали её. Это была леди Несса, знаменитая на весь Ахарум укротительница Волума – зверя с густой рыжей шерстью, огромными лапами и клыками, похожими на кинжалы. Волумов оставалось немного, и чтобы их защитить, нужно было их укротить. Но сделать это было не так уж просто.

Леди Несса вступила в схватку с Волумом и получила несколько ранений, потому теперь ходила медленно.

– Зато никто не сможет сделать мне больно, – сказала она и задрала свой плащ, обнажив деревянный протез вместо левой ноги.

В толпе снова послышался шёпот. Теперь избранных было шесть, включая Хранителей. Оставалось ещё пять.

– Кто знает богов лучше, чем ты, жрец? – обратилась к толпе Эстэр, но взгляд её был устремлён только в одну точку.

Из толпы послышался громкий смех, заливистый и добрый.

– Знай я, – произнёс чей-то голос, – что нами сейчас повелевать будет ведьма, в жизни не пришёл бы сюда.

– Осторожнее, жрец. Ведь это я владею Зеркалом.

Рудольф и Сибилла нервно переглянулись. Неужто ведьма и вправду почувствовала себя хозяйкой?

Жрец Лерой вышел из толпы. Был он немолод и весил, должно быть, как Волум. Но лицо жреца было добрым и смиренным.

– Не староват ли он? – спросил Рудольф.

– Юноша, я служил верой и правдой Ахаруму ещё до того, как ваш достопочтенный отец стал Хранителем Зеркала. Я кое-что знаю. Но кланяться вам, госпожа, – он обратился к Эстэр, – я не стану. Это не в моих обязанностях.

– Просто служите верой и правдой Хранителям на той стороне, Лерой, – со спокойным достоинством ответила она.

И Лерой, кивнув, встав рядом с другими.

На Ахаруме было не так уж много тюрем. Всего четыре на каждые четыре стороны: Юг, Север, Запад и Восток. Не так уж было много страшных преступлений. Изредка кто-то мог совершать мелкие кражи, бывали и мошенники. А иной раз даже и убийцы. Но Зеркало защищало от тьмы большинство человеческих душ. И всё же тюрьмы были необходимы здесь. Узники не так уж и плохо жили, если надзиратели не пользовались излишне своими полномочиями. Сейчас один из них был здесь, в толпе. Вот его-то и вызвала Эстэр.

Стражник, высокий и крепкий, с бородою до груди с нетерпением ждал, что его имя произнесут. Так и случилось. В его глазах сверкала решительная ярость. Он сжимал в руке нить. Он никогда не наносил вреда осуждённому, они и сами с этим неплохо справлялись. Их жизнь была им уже наказанием. А он лишь исполнял их волю быть наказанными.

– Дадут ли мне оружие? – спросил он, надвинувшись на ведьму, пытаясь запугать её своим грозным голосом.

– Будет тебе орудие, – прошипела Эстэр. – А теперь прочь!

Людей на стороне замка, рядом с Хранителями становилось всё больше и больше. Ещё одна молодая девица Луана, проданная в детстве торговцам, и Колум, вечный художник. И все они хотели вернуть Ахарум в прежний тихий сонный мир, где не было большого зла и монстров, вырывающихся из глубин.

Занялся рассвет, и когда огонь на холме почти догорел, все были уставшими и голодными. Первые звёздные лучи всегда касались замка, возвышавшегося над Севером, как заколдованная башня.

И всё же что-то не давало покоя офицеру Густаву в этот предрассветный час. Он осмотрел избранных и не мог поверить своим глазам. Все они были такими разными, как детские игрушки, рассыпанные по полу в комнате непослушного ребёнка-еготы. Мужчины и женщины, кто-то едва ли мог стоять на ногах. Густав знал, что не сможет изменить мнение ведьмы, потому взмолился, как юноша над возлюбленной:

– Эстэр, послушай, посмотри. Разве они смогут сражаться? Ведь на Ахаруме есть солдаты.

– Нам не нужны солдаты, – спокойно запротестовала ведьма. – И битвы там будут другие, мой дорогой Густав.

От этих последних слов у офицера задрожали пальцы рук. Он быстро спрятал руки за спину, не в силах раскрыть свою слабость. Никто не должен был знать об их тайной связи.

Где-то вдалеке задрожала земля и, казалось, небо обрушилось на остров. Значит, появилась ещё одна дыра в стене между мирами. Нужно было торопиться.

Эстэр напряжённо всмотрелась в горизонт, где простирался заснеженный лес. И утрен-
няя звезда уже поднималась, озаряя мир своим светом. Ведьма словно обнюхивала простран-
ство, как дикий зверь.

– Нельзя терять времени, сказала она и издала громкий оглушающий свист.

Тут же в лесу что-то зашуршало.

Сибилла знала, что это. Волк, огромный и чёрный, спешит к своей хозяйке, ему не
мешают сугробы, он едва касается лапами земли. Толпа расступилась в ужасе перед зверем.
Только леди Несса была спокойна: ей не впервой было укрощать зверя. В её глазах зажегся
огонь неутолимого интереса. Ведьма погладила своего верного слугу, и тот, как обычный пёс,
завилял своим хвостом. Она что-то шепнула ему на ухо, и тот зарычал.

– Ну-ну, – ласково сказала Эстэр. – Это только временно.

И теперь она развернулась к Хранителям и обратилась к ним:

– Ветер пойдёт с вами. Он будет верно служить вам в пути.

Рудольф сжал ладони в кулаки. Сибилла громко сглотнула. Вдруг стало жарко. Ветер –
так звали волка – покорно пристроился между Хранителями. Сибилла только украдкой взгля-
нула ему в глаза, он тут же завилял хвостом. Из огромной пасти свисал розовый язык, с кото-
рого капала слюна. Она лишь подняла свою ладонь, чтобы погладить Ветра по голове, и тот
покорился. Шерсть его была гладкой и плотной.

– Как мы узнаем, куда нам идти? – спросил Рудольф.

– Идите по знакам, и вы не ошибётесь. Знаки эти вы не пропустите.

– Я тоже пойду с детьми! – отозвался офицер Густав.

– Нет, офицер, – снова Эстэр пошла против его воли. – Вы нужны здесь.

Она рукою сделала жест, словно бы обнимающий толпу, которая осталась с другой сто-
роны.

– Ты не можешь мне запретить!

– Как же, – прошипела ведьма, и вдруг налетел холодный северный ветер, растрепав её
волосы, уколол глаза Хранителей тонкими льдинками.

Губы офицера сомкнулись, будто что-то невидимое запечатало их, ноги и руки прильнули
телу. Он встал столбом, и только глаза в ужасе блеснули. Он был белее снега, беззащитнее мла-
денца. Толпа снова ахнула, но никто не мог пошевелиться. Не потому, что Эстэр и их околдо-
вала. Против толпы её магия была бессильна. Но потому, что страх перед неизведанным всегда
сильнее любой магии. И только праведный гнев способен быть сильнее страха.

– Ахаруму нужен ты и твоя армия, – произнесла мать Хранителей. – Мы останемся здесь
вместе, и будем бороться с внешней угрозой.

Густав сдался. Тело его ослабло, и остатки магии растворились так же, как и последние
тени ночи.

7.

Теперь все избранные воины своими глазами увидели Зеркало. Иной раз кто-то погово-
ривал, что Зеркало – всего лишь миф. Из поколения в поколение вера о нём ослабевала. Но
вот оно. Величественное и тёмное. Мутное, как слепые глаза древнего старца. Огромное, как
пасть дракона.

Сибилла вдруг сделала шаг назад, её дыхание почти остановилось. Сердце. Она не чув-
ствовала биения собственного сердца.

– Я не могу, – прошептала она одними лишь губами. – Не смогу.

– Сиби, – Рудольф взял её за руку. – Мы сможем.

– Нет, мне страшно.

Чей-то голос вторгся в их разговор, но было это только в голове Сибиллы. Никто больше здесь не слышал этих слов.

«Страх обозначает, что ты на правильном пути. Страх защищает тебя, он будет указывать тебе путь. Слушай его. Помнишь, как ты научилась плавать?»

Это воспоминание обожгло сердце девушки. Она помнила руки матери, нежно державшие её над водой. Мир был каким-то другим. Рыжие волосы. Эти длинные мокрые рыжие волосы и громкий смех. Белокурая девчушка на руках матери наглоталась воды, и вдруг сказала: «Хватит! Мне страшно! Я сама!» И вошла на глубину. Сначала вода накрыла её пупок, затем плечу, а потом и шею. Она сделала медленный толчок вперёд и... поплыла. Оказалось, вода не была её врагом, не хотела потопить её, не хотела ничего не дурного. Она хотела лишь нести её на себе.

И теперь она стояла перед такой же неизведанной глубиной, одновременно манящей и пугающей. В детстве она хотела научиться плавать, чтобы переплывать с одного берега на другой. Но сейчас она не видела другого берега. Она должна была исполнить чью-то волю. Но зачем? Потому что миру грозила опасность. А может быть, и пусть? Может быть, этот мир не так уж и хорош?

Они с братом жили одни в огромном замке. Компанию им составляли только несколько слуг и лошади. Хотя иной раз они под покровом ночи ускользали от своих обязанностей и пробирались в какую-нибудь таверну, натянув на себя огромные шапероны.

Может быть, стоило тогда утонуть, захлебнувшись водой на глубине? Не время думать об этом. Сибилла встрепенулась, и страх куда-то исчез.

Ведьма достала откуда-то из подола платья длинную иглу, сверкавшую на кончике, и сложила её в ладонь Сибиллы.

– Тебе – самая тяжёлая ноша, – сказала она.

– Мне?

– Слушай своё сердце, – ведьма опустила глаза, а затем выставила вперёд ладонь. – А теперь отдайте всё, что есть у вас в карманах и на поясах. В сапогах и башмаках. – Она посмотрела на Валди.

Вот ведь хитрая ведьма! Ничто не могло укрыться от её разума. Он нагнулся и достал из сапога кинжал. Нехотя вручил ведьме.

– Обещала оружие, проворчал он.

– Ваше оружие – в вашем отражении. Смотрите в него внимательнее, – ответила Эстэр. – А теперь встаньте все в кольцо вокруг Зеркала, – приказала она. – Дайте мне три фонаря.

Она сделала жест в сторону слуг, которые держали фонари в пивнице. Как только фонари оказались у Эстэр, она расставила их вокруг избранников, озарив помещение ярким светом. Приказала им соединить обрывки нити, создав одну, длинную и искрящуюся. Она приказала взять нить в руки, образовав общую связь. Нить была горячей и обжигала ладони, но отпустить её было невозможно.

– Закройте глаза! – крикнула Эстэр, а затем начала шептать.

Никто не мог разобрать её слов, но каждый из избранников почувствовал, как приятное тепло разлилось по телу. Это был волшебный полёт, как во сне. А может быть, это и был сон?

Глава 4

1.

Когда они открыли глаза, ничего не изменилось. Хранители, ахарумцы и Ветер обнаружили себя всё там же. В пивнице, у Зеркала. Хотя что-то всё же было иным. Среди них не было ни Эстэр, ни слуг, а на ладонях красовались лёгкие ожог. Нить снова разорвалась на кусочки, и каждый подобрал свою часть.

Стояла сплошная тьма, только мягкая полоска света спускалась сюда от лестницы. Рудольф и Сибилла схватились за руки. Дышать стало трудно, как будто они, и правда, оказались где-то на глубине. Все одиннадцать переглянулись между собой.

– Должно быть, ничего не вышло, – предположил Рудольф.

– А я говорил, нельзя доверять колдунье! Тьфу! – послышался голос жреца Лероя.

– И всё же... – сказала Сибилла. – Что-то не так, разве вы не чувствуете?

Она пристально посмотрела на Зеркало, коснулась его поверхности рукой.

– Трещина, – прошептала Сибилла. – Она изменилась.

– Хватит пустой болтовни, – раздался голос стражника Валди. – Давайте выбираться отсюда.

Он шагнул первым в сторону выхода, и Ветер, теперь верный слуга Хранителей, недовольно зарычал.

– Стойте! – приказал Рудольф. – Никто не двигается с места, пока мы с сестрой не дадим согласия.

– Ну, это уж вряд ли, – запротестовал Валди.

– Он прав, – вмешалась Луана, торговка с Севера. – Мы должны идти вслед за Хранителями.

Валди окинул своим строгим непокорным взглядом толпу. Никто не стал спорить с девчонкой, похожей на ангела, так что пришлось повиноваться. Стражник сделал артистичный жест, приглашающий Хранителей к выходу, и немного пригнулся, как будто хотел станцевать.

Первым шёл Рудольф, за ним Ветер, а позади Сибилла. Она бросила последний взгляд на Зеркало: хотела запомнить его, чтобы найти путь обратно.

Толпа вышла из пивницы наверх. Лестница казалась ещё уже, чем тогда, когда они спускались сюда. Замок внутри выглядел похожим, но что-то изменилось. Запах. Воздух здесь казался густым и почти осязаемым. Здесь никто не жил уже очень давно. На стенах не было портретов, а в вазах цветов. В камине лет сто не зажигали огонь, и холод пробирался в каждую щель. Ещё чуть-чуть – и призраки тихой подступью прокрадутся и завоюют свою одинокую песню.

Тоска сковала сердце Сибиллы. Она знала это место с самого своего рождения, но оно не было домом.

– Смотрите-ка! – крикнул Оскар и пробежал в центр гостиной.

Остальные, как по команде, повернулись. Оскар нагнулся и поднял с пола что-то старое и пыльное, отряхнул предмет и гордо показал.

– Медведь!

– Говорили же, что брать с собой ребёнка – плохая идея, – заворчал Лерой.

– Это же... – у Сибиллы перехватило дыхание, и она не смогла договорить.

Плюшевый медведь, позеленевший от времени (или он всегда был зелёным?), покрытый толстым слоем пыли, должно быть, лежал здесь, дожидаясь, когда какой-нибудь ребёнок его найдёт.

Сибилла подошла к Оскару, чтобы рассмотреть игрушку. Она улыбнулась:

– И правда, это же мой медведь! Его оставила для меня наша мать. А потом рассказала, что медведь этот её первого сына. И я, помню, ещё совсем ребёнком отнесла его на могилу. Вот.

– И что с того? – спросила Несса. – Будь он настоящим, я бы его мигом на лопатки уложила.

В толпе послышался смех то ли стражника, то ли другого неверующего в сказанное укротительницей.

Сибилла взяла медведя в руки. Он был жёстким и в то же время дряхлым, как умирающий старик. Глаза-бусинки едва ли держались на круглой голове. И странное чувство тревоги вонзилось в горло девушки. Внезапно в безжизненных глазах медведя вспыхнул огонь, его пасть открылась, обнажив два ряда острых зубов. Тут же Сибилла услышала странный голос в своей голове: «Не бойся». Детские воспоминания рассеялись, и откуда-то волною накатила ярость. Она взялась за голову медведя и с силой оторвала её.

– Нет! – закричал Оскар. – Зачем же? В сиротском приюте у нас не было игрушек.

Сказал он это так жалобно, что никто не мог найти возражений. Как могли они издеваться над ребёнком?

Рудольф взял сестру за плечо и развернул к себе.

– Что случилось?

– Разве ты не видел? Разве вы все не видели?

Она обратилась к толпе, но те только с недоверием посмотрели на Сибиллу.

– Ну, а ты? – спросила она Оскара. – Ты же видел?

Он смущённо покачал головой: не видел.

Старые смердящие опилки посыпались из «туши» медведя, и тут Сибилла заметила, как что-то засверкало.

– Осколок! – крикнул Рудольф.

Девушка аккуратно кончиками дрожащих пальцев взялась за осколок и вынула его. Остальные обступили Хранителей, удивлённо наблюдая, что же будет дальше. Сибилла, борясь со страхом, посмотрела в маленький кусочек зеркала. В нём промелькнули и быстро исчезли отголоски прошлого: вот какой-то мальчишка, смеясь, пробежал мимо женщины в зелёном платье. Жаль, рассмотреть её лица не представлялось возможным.

А затем на осколке появились буквы. Буквы складывались в слова, а слова в предложения.

В укромном месте, у всех на виду

Я старую дверь непременно найду.

Открою её и, как прежде, смелей

Начну я играть с забавой своей.

Я молод и глуп, и дорога моя

Закончится в пасти гиганта-зверья.

Сибилла прочла послание вслух, и оно, как по волшебству, испарилось с поверхности осколка.

– Это загадка? – спросила Эльзбета.

– Давайте выбирать отсюда, – сказала Сибилла и мигом сорвалась с места.

Но там, где привычный коридор должен был вывести её к выходу, оказалась глухая непробиваемая стена. Она судорожно трогала стену, пока окончательно не поняла, что выхода нет.

– Вот так дела! – произнёс Лерой. – Хм... А ведь мы и правда покинули наш мир.

– Кажется, это так, – сказал Рудольф. – Замок не тот. Или это проделки ведьмы?

– А, может, мы и правда сейчас все спим? – сказал Ангус, супруг Эльзбеты.

Сибилла обернулась к избранникам и заговорила:

– Она сказала, нас ожидает несколько дверей. Значит, нужно найти первую. В послании сказано о двери в укомном месте.

Толпа разбрелась по разным сторонам замка, чтобы отыскать дверь. Они рыскали всюду, заходя в небольшие комнаты, поднимая столбы пыли. Тоска, коснувшаяся Сибиллы своей холодной рукой, теперь крепко сжимала её в объятиях. Замок казался родным, но таким холодным и пустым. Состоял он из трёх высоких этажей. На втором были отдельные комнаты: одна для Рудольфа, другая для Сибиллы, ещё одна для отца, которого не было с ними уже целых восемь лет. И ещё пара комнат для гостей.

Сибилла остановилась в проёме своей комнаты. В нос ударил затхлый запах смерти. В углу стояла кровать, но вот, что было странно. Кровать была детской. Как будто той Сибилле, что жила в этом замке так и не исполнилось десять лет. И что-то манило девушку сюда. Хотелось лечь в эту постель и забыться беспробудным сном.

– Ты тоже видишь это? – раздался голос позади, и Сибилла вздрогнула.

Это был её брат. Она одобрительно кивнула. Кто-то пробежал по коридору мимо них. А затем послышались ещё шаги.

– Это просто неслыханно! Господин Рудольф, леди Сибилла! – закричала Эльзбета, милая невысокая белокурая женщина. На секунду она сделала светлее эти мрачные древние коридоры. – Та дверь тоже исчезла!

– Какая дверь? – спросил Рудольф.

– Дверь, ведущая к Зеркалу.

Хранители переглянулись. Рудольф отвёл взгляд и посмотрел на маленькое окно в стене, через которое проникал тонкой струйкой свет. Сибилла тут же схватила брата за руку.

– Ты что? Нет!

Но тот вырвался, чтобы посмотреть, как высоко они находятся над землёй. Вот только кроме белой мглы ничего в окне и не было видно. Словно кто-то стёр целый мир. Не было ни леса, ни деревьев, ни голубоватого снега. Рудольф сунул руку в карман и достал нить из звёздной пыли.

– Если я проглочу её сейчас, смогу ли освободить нас из ловушки?

– Нет! – закричала Сибилла. – Нет!

Неожиданно чей-то звонкий голос возвестил о своей находке.

– Сюда! Все сюда!

Хранители и остальные избранники бросились на голос. Это был Оскар. Голос его раздался откуда-то сверху. Замок наполнился звуком шагов. Сверху в самом высоком месте замка, сотворённом для возможной обороны от врага, было сыро и темно. Оскар осветил нитью укромный уголок, указав на крошечную дверь в стене.

– Это что ещё такое? Дверь для мыши? – спросил Лерой, ожидая ответа от Хранителей.

Оскар поспешил открыть её, но Рудольф, борясь с дурным предчувствием, остановил юнца.

– Доставайте нити, соединим их.

Все тут же повиновались и достали светящиеся нити. Люди встали в ряд и соединили части, образовав длинную несомкнутую цепь. Оскар присоединил и свой кусок. Немного подумав, – в этот момент его лицо стало совсем взрослым, как будто прошло десять лет – он произнёс, обращаясь к каждому, но главным образом к Хранителям:

– Если когда-нибудь найдёте моих родителей, передайте, что я... Я любил их. Хоть они меня и оставили. А потом меня, младенца, поднесли к Зеркалу. Чтоб я никогда не страдал по ним. А я и не страдал! Так и передайте!

Никто не смог произнести ни слова, не мог подобрать нужных фраз. Рудольф кивнул, сделав вид, что его не тронули эти слова. Быть может, они не были такими уж страшными, ведь с Оскаром они были знакомы всего каких-то пару часов. А всё же он чувствовал что-то внутри.

Оскар, держа нить одной рукой, пригнулся и второй рукой потянулся к маленькой дверной ручке. Дверь и вправду была крошечной. В неё едва ли мог протиснуться ребёнок, не говоря уж о взрослом. Мальчишка толкнул дверь, и она со скрипом отворилась. Там было темно, хоть глаз выколи. Оскар приблизился, чтобы подсветить, и ахнул.

– Что там? Что? – это был всеобщий гул голосов, невозможно было разобрать, кто из присутствовавших говорил.

Оскар протянул руку и достал маленькую вещицу. Медведь. Всё тот, же, давний приятель Сибиллы. Только голова его была на месте. Оскар сжал медведя в объятиях и не собирался с ним расставаться.

– Что прикажете нам с этим делать, господа? – спросил Ангус.

Никто не ответил. Все лишь пожали плечами, зная, впрочем, что медведь преследует их неспроста. Оскар залез в узкий проход, и теперь от него остались только торчащие ноги.

– Уж я-то туда точно не влезу, – сказала Несса, большая женщина со шрамом на лице.

И только избранники приготовились возмутиться, как что-то под их ногами задрожало. Стены затряслись, с потолка посыпалась пыль и каменная крошка.

Стены замка начали сжиматься, издавая жуткий утробный вой, как будто плакал зверь, застрявший в брюхе огромного кита. И словно бы неведомая сила теперь тянула их всех вниз, как будто всё строение уходило под землю. Оскар, застрявший в проёме, закричал:

– Давайте же за мной!

Вдруг всё затихло. Замок, накренившийся, как старый корабль, так и застыл в том же положении. Половицы приподнялись, образуя угол, на котором сложно было удержаться.

– Теперь уж нам точно не выбраться, – сказал Валди.

– Это всё мальчишка! – закричал Лерой.

– Держитесь за нить и не отпускайте её! – приказала Сибилла.

А Оскар проползал всё дальше. В узком тёмном тоннеле не видно было света. Мальчишка сжимал в руках медведя, будто это был самый ценный дар. Он старался ползти, но, казалось, что-то со страшной невидимой силой тянуло его назад.

– Других дверей в замке нет, – заключил Рудольф и полез узкий проём вслед за мальчишкой.

Губы Сибиллы задрожали. Она снова оказалась там, на глубине, когда тонула. Воздуха не хватало, страх тяжестью лёг на её плечи. Или это чья-то рука? Точно. Молчаливая Тера глядела на неё, а от широкого капюшона падала тень на лицо. И что-то странное случилось. Страх растворился. Тяжесть ушла. Сибилла последовала за братом, не отпуская нить. А за нею последовала Тера, Луана.

И только Валди и Несса переглянулись.

– Дамы вперёд, – Валди снова сделал жест рукой, будто приглашал кого-то на танец. А на деле же – пропускал Нессу.

Та недовольно фыркнула, но пошла.

Стены снова задрожали. Снова начали сжиматься, половицы скрипели и расходились, трещали, обнажая острые щепки, готовые вонзиться под кожу. Оскар не останавливался, хоть земля уходила из-под ног. И вот стены уже сжались до предела. От прежнего замка не осталось и следа. Казалось, теперь он стал для избранников узким гробом. И вот когда дышать было уже нечем, а тела их были прижаты друг к другу, пол, на котором они ползли, разошёлся и превратился в яму, похожую на огромную разинутую пасть. Она поглотила людей в темноту.

На мгновение Рудольфу показалось, что это смерть раскрыла свои чёрные объятия и приняла их всех. Странно, но это не было так уж и страшно.

«Как глупо было бояться» – подумал Рудольф и даже улыбнулся.

Но это не была смерть. Сколько времени прошло? Должно быть, целая вечность. Кто-то громко закашлял, а кто-то застонал. Пыль разъедала глаза, оседала на языке. Послышался чей-то рык. Это был Ветер. Поднявшись на лапы первым, он отряхнулся и попытался разбудить остальных.

– Где это мы? – раздался чей-то хриплый голос.

Вокруг стояла мгла. Теперь уже не тьма резала глаза, а белая пелена, растянувшаяся до горизонта. Чьи-то тяжёлые шаги слышались откуда-то издалека. Земля снова задрожала. Страшный рёв рассёк воздух, как кнут.

– Поднимайтесь, вставайте! – закричал Рудольф и подхватил сестру. Тело её было безжизненным и обмякшим, и Рудольф в ужасе затрясся. Но Сибилла была жива. Открыв глаза, первым делом, она пошарила рукою в глубоком кармане платья. Осколок зеркала был всё ещё там.

Ангус помог подняться Эльзбете, Несса помогла Валди, и так все они встали на ноги. Иной раз страх заставляет убивать, а иногда спланирует в борьбе с общим врагом.

Рёв надвигался. Холодный влажный туман обступил избранников со всех сторон. И что-то тёмное выдвигалось из тумана, что-то грозное и большое.

– Оскар! Где Оскар? – крикнула Луана.

Тень надвигалась неустанно, огромная, как гора. А вместе с ней напал ужас. Волк, верный слуга ведьмы, сорвался с места и скрылся в тумане.

– Ветер! – окликнула его Сибилла.

– Он бросил... нас? – прошептал Рудольф.

Но Ветер, как молния, снова внезапно появился из тумана, неся на своей спине Оскара. Тот полулежал на звере, обняв его обеими руками, как малое дитя обнимает мать. Мальчишка слез с волка и подбежал к Сибилле, протянул свою дрожащую руку. Она удивлённо посмотрела на него.

– Осколок, – сказал Оскар хриплым уставшим голосом.

Жалость тут же охватила девушку. Она снова вспомнила послание. Неужели этот хрупкий, но бесстрашный юноша, и правда, сейчас стоял перед нею в решительности сразиться со зверем. Огромным монстром, сотрясавшим землю под ногами. Она сунула руку в карман и достала осколок зеркала. Медленно вложила его в руку Оскара, вспоминая слова ведьмы о главном их оружии – отражении.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Мальчишка кивнул, и лёгкая улыбка скользнула по его лицу. Не вымученная, но искренняя. Кто-то выскочил из толпы в благородном порыве остановить мальчишку, но Рудольф резко пресёк эту попытку.

– Оставьте. Это его путь. Так сказала зеркало.

– Тьфу! – плюнул стражник. – Неужели мы будем слушаться какого-то зеркала?

Спор не успел начаться, как раздался оглушительный вой зверя. Зловонное дыхание его пасти едва не снесло ахарумцев с ног. Они держались друг за друга, как любовники на тонущем корабле. Голова зверя, наконец, выплыла из тумана, а затем показалось и всё тело. Это был огромный чёрный медведь с клыками размером с доброе дерево, могущественными лапами, обещавшими растоптать их всех с одного лишь раза. С кроваво-красными глазами.

Оскар вдруг побледнел, посмотрел на свои руки. Он потерял медведя.

Стало быть, ведьма была права, так подумалось Сибилле. Знаки были повсюду. Медведь встал на задние лапы и приготовился раздавить всех прибывших в этот мир из зазеркалья.

– В разные стороны! – закричал Рудольф, и все бросили врассыпную, миглом повинаясь приказу.

Медведь обрушил свои огромные лапы на землю. Туда, где только что находилась толпа. Он иступлённо кричал.

– Эй! Эй, ты! – слышался звонкий голос Оскара. – Я здесь!

Он махал руками, пытаясь привлечь к себе зверя. Теперь в тумане каждый был сам по себе. Но Рудольф и Сибилла, как и прежде, держались вместе, за руки.

– Нить, – прошептала Сибилла, – мы не должны были отпускать нить.

– Что? С чего это? – возмутился Рудольф.

Заметив Оскара, медведь ринулся в его сторону. Мальчишка выставил перед собой осколок зеркала и посмотрел в него. Какая-то неведомая сила подсказывала ему, что нужно делать. Какой-то неясный тонкий голосок в его голове. Он увидел собственное отражение в осколке, и вдруг почувствовал, как жар охватил всё его тело от пят до ушей. Ему показалось, что собственная кожа стала ему мала. Он становился выше и больше, кожа лопалась, сухожилия рвались, мышцы наполнялись силой. Злость, которой он не испытывал никогда в жизни, теперь нарастала в его груди с бешеной скоростью. Его лицо больше не было лицом неопытного мальчишки. Его скулы заострились, челюсть удлинилась. Он перестал вовсе быть похожим на человека.

Во рту его заострились зубы, превратившись в клыки такого же зверя. Похож он стал на безобразного огромного оборотня, рычавшего и томившегося в своём гневе. Медведь, однако, встав на задние лапы, оказался выше на две своих головы. Занеся над Оскаром свою лапу, он мигом сбил того с ног. Но битва не была окончена. Оскар встал, помотав головой, рванул прямо на зверя, выбрав нужный момент, когда тот снова встал на задние лапы. Врезался ему в живот и сбил с ног. Нагнувшись над медведем, Оскар двумя когтистыми лапами с длинными пальцами схватил зверя за пасть и разорвал её на две части. Хлынула кровь, залила землю, окрасила мглу в розовый цвет.

Зверь был повержен.

2.

Эстэр резко очнулась и обнаружила себя всё ещё сидящей в кресле. Она сделала глубокий вдох, как будто всё то время, что она спала, лёгкие её не наполнялись воздухом. Она почувствовала, как некая сила проникла в её чрево, распространилась по венам, взбудоражила её чувства.

Ведьма улыбнулась, смахнула прядь рыжих волос со лба. Она знала, что одна дверь была уже открыта. Но тут же ощутив чей-то взгляд на себе, ведьма стёрла улыбку с лица и приняла задумчивый вид.

– Густав... Разве ты не должен охранять сейчас Север от чудовищ?

Он сидел поодаль в другом кресле у камина. За стенами замка бушевала метель. Ветер был в каминной трубе, возвещая о том, что до конца зимы ещё далеко.

– Север в надёжных руках. Ты мне лучше скажи, как они?

Эстэр подняла руку и длинными пальцами погладила бровь, словно давая понять, что вопрос сложный.

– Я не знаю...

– Как не знаешь? – в голосе Густава слышалось снисходительное раздражение. – Прошли уже сутки.

Она спокойно повернулась к огню. Взгляд её был расслабленный и уставший.

– Время... Жизнь – это один день, разделённый на свет и тьму. Вот и всё.

Она набила трубку табаком и закурила.

– Я знаю тебя много лет, Эстэр. Не морочь мне голову этими бреднями.

Она резко повернула голову и уставилась на него. В чёрных глазах виднелись огоньки пламени от камина.

– Ничего ты не знаешь! – прошипела она. – Тебе и вечности не хватит, чтобы меня узнать.

Лицо офицера мигом смягчилось, он встал с кресла и припал на колени у ног ведьмы. Она, быть может, и будет жить вечно, но не он, простой смертный.

– Мы же могли всё изменить, Эстэр, – сказал он. Теперь был похож на влюблённого юношу, страдающего по девице. – Если бы ты только захотела.

Ведьма не отстранилась, не сбросила его руки со своих колен. Её лицо светилось, огненные волосы сливались с пламенем, плясавшим в камине. Теперь она была похожа на строгое божество.

– Полно, Густав. Тобою движет не любовь, а жажда власти. Оставим это в прошлом.

Черты лица офицера вновь заострились. Он нахмурил брови. Верил, что любил её.

– Разве в мире, где нет зла, может быть жажда власти? – он встал с колен и зашагал по комнате.

– Разве когда-нибудь я говорила, что это зло?

Густав вышел в коридор, где слева на стене висел огромный портрет господина Оливера, отца Хранителей. Бывшего Хранителя Зеркала Ахарума. Его господина. Она, конечно же, сидит и читает мысли. Наверняка читает, так что он, Густав, не должен допустить ни малейшего намёка на ненависть к бывшему господину. Вот только какая разница, если они оба знали, что совершили. Совершили это гнусное и безжалостное убийство. Смерть отца Рудольфа и Сибиллы – на его, Густава, руках. Ведьма обманула его, обвела вокруг пальца, заставила мучиться и страдать.

Конечно, она не знала, о чём думает каждый на Ахаруме. Знала только мысли тех, кто был ей дорог. Да и чёрт с ней!

– Один из них погиб, – раздался голос давней возлюбленной за спиной офицера. Голос её не выражал ни жалости, ни печали, ни отчаяния.

– Кто?

Сердце застучало в груди Густава, на лбу вздулась вена, по коже побежали мурашки. Он схватил Эстэр за плечи.

– Говори, кто? Это же не Сибилла? Не Рудольф?

– Это мальчишка.

Густав медленно сделал несколько небольших шагов назад, отстранившись от Эстэр. Он не знал мальчишку, а видел его всего лишь один раз, днём ранее, когда были выбраны ахарумцы. И всё же что-то сильно сжалось в груди. Что-то, что делало офицера живым.

Эстэр опустила глаза. В конце концов, она знала, что так и будет.

– Неужели нет иного пути? – спросил Густав.

– Я же сказала, жизнь – это один сплошной день. В нём нет будущего и нет прошлого.

3.

Во мгле послышался вой. Долгий, протяжный и тревожный. Это был Ветер. Он снова и снова пел свою одинокую песню, пока все избранники не нашли путь к нему. Слуга ведьмы сидел у тела Оскара, дожидаясь, когда Хранители отыщут путь во мгле.

Туман медленно рассеивался, рисуя вокруг очертания мира, в котором, казалось, не было ничего необычного. Оскар лежал на земле, красной от крови. Он, лишённый кожи, с разорванными мышцами, теперь не было похож на человека.

– О, боги! – закричала Энни. – Боги!

Кто-то в ужасе отвернулся, остальные же просто склонили головы. Осколок, из которого родился монстр мальчишки, лежал тут же, рядом. Сибилла наклонилась и подобрала его. Вытерла кровь рукавом, почувствовала, как дурнота подкатила к горлу. Отвернулась от останков бедного мальчишки и закрыла рот рукой.

– Так вот, на что она нас обрекла, – произнёс Рудольф.

И не успел он хоть что-то сообразить, как тут же к нему подбежал Валди и схватил его за ворот пальто, приподняв так, что ступни не касались земли.

– Это вы во всём виноваты! Вы! Вы нас затащили сюда.

Что-то сверкнуло у шеи стражника, и он услышал шёпот Сибиллы:

– Отпусти его, или я перережу тебе глотку.

Чтобы показать серьёзность своих намерений, она коснулась острым краем осколка его широкой шеи. Стражник ещё немного помедлил, чтобы не показать свою слабость, но в итоге сдался. Рудольф оказался на земле, не выказав, тем не менее, ни намёка на страх.

Сестра убрала осколок подальше.

– Слушайте, – заговорила она хриплым голосом. – Если верить матери... ведьме, жизнь – это день, у которого нет начала и нет конца. Значит, тот, кто проживает этот день, никогда не заканчивается. Он просто становится отражением в другом зеркале. Оскара нет больше здесь, но он есть где-то в другом из миров.

Лерой фыркнул и сплюнул на землю. Верить в ведьмины сказочки – не его работа. Да и Рудольф не сильно в это верил. Его злость на мать стала ещё сильнее. Что-то билось внутри, чего он раньше не замечал. И пусть Сибилла только что спасла его из рук стражника, было невыносимо сложно бороться с желанием противостоять сестре.

– Хранительница права.

Все обернулись на голос, который до этого момента почти никто не слышал. Это была Тера. Она сняла капюшон, и теперь все, наконец, могли увидеть, как прекрасно было её лицо. Огромные бездонные глаза, тёмные, как озёрная глубина, острые скулы и тонкие губы. Чёрные, как шерсть волка, волосы, однако, были коротко острижены.

– Ещё одна ведьма, – недовольно фыркнул Лерой.

Тера подошла к Сибилле и взяла её за руку.

– Ничего не изменишь. Нужно идти дальше, – сказала она.

Тем временем туман почти рассеялся, обнажив мир, полный света и красок. Перед ними расстилалась дорога, ведущая с холма, на котором они оказались, провалившись в яму, вниз, где виднелся город. И всё же этот мир не был похож на их привычный. И было дело даже не в том, что здесь не было привычного снега и северного ветра, а в том, что мир этот был словно нарисован.

Становилось жарко в мехах и пальто, и избранники вместе с Хранителями сняли верхнюю одежду. Никто, однако, не хотел первым нарушить молчание, словно негласная обида повисла над шедшими. Тропа, ведшая вниз, была странного яркого красновато-коричневого цвета, по бокам обрамлённая яркой зелёной травой. И вот, что удивительно. Трава колыхалась, но дуновения ветра не ощущалось на коже. Внизу был виден лес, весьма похожий на тот, что обрамлял замок Хранителей Зеркала. Но так было только на первый взгляд. Внимательный глаз мог заметить, что деревья в лесу все казались, как на подбор. Если в привычном мире можно было утверждать, что нет двух деревьев, одинаково похожих друг на друга, то здесь казалось совсем наоборот. Не было такого дерева, которое можно было бы противопоставить остальным.

А вот с другой стороны леса виднелось что-то, похожее на город. Маленькие домики соседствовали с домами побольше, извилистые улочки были испещрены узкими дорогами.

– Надо бы раздобыть еды, – сказал угрюмо Ангус.

В толпе послышались одобрительные возгласы. Никто не был против подкрепиться. Но никто даже и не подумал о том, что будет здесь обменом? Каждый пошарил в своих карманах, и ничего не нашёл. Всё ведь было отдано ведьме.

– Проклятая ведьма ничего и не сказала, – проворчал Лерой.

И в тот самый момент странная мысль пролетела в голове у Сибиллы: «Это мы здесь еда». Она быстро отмахнулась от этой мысли, оглянувшись по сторонам. Хотела убедиться, не слышал ли её кто-то.

Сибилла схватила Рудольфа за руку и сжала её. Брат удивлённо посмотрел на её встревоженное, полное страха, лицо.

– Что ты чувствуешь? – спросил он.

– Что-то не так.

Он положил свою руку на её ладонь и похлопал, как заботливый отец.

– Здесь всё не так, сестра. Мы больше не дома.

Мы больше не дома. Эти слова больно кольнули сердце. В них было что-то вечное, что-то, что уже никогда не изменится, не станет, как прежде. И если каждому избраннику суждено встретить своего монстра, значит, и им тоже. Быть может, Густав и Рудольф были правы о матери? Она ведьма. Предательница.

А перед глазами стоял Оскар. Мальчишка, не успевший даже узнать, что такое жизнь. А разве она сама была намного старше его? Нет.

– И почему нас угораздило?.. – пробормотала себе под нос Сибилла, всё ещё думая, что это только в мыслях.

– Что? – переспросил Рудольф.

Она вздрогнула и покачала головой. Рудольф, конечно, ей был ближе всех, но сейчас было ещё не время говорить об этом. Сломить дух брата было смерти подобно. Она бросила на Рудольфа мимолётный взгляд. Брат был смелее, чем она. Настойчивее и решительнее. Кажется, смерть Оскара не тронула его. Или он только делал вид.

Город открылся перед ними парой покосившихся зданий, между которыми проходила узкая дорога. Людей видно не было. На высоких столбах виднелись фонари, но рассмотреть, есть ли в них пыль, не представлялось возможным. По крайней мере, теперь, когда было светло.

Дорога была аккуратно уложена камнем. Шаги избранников громко раздавались, словно отражались от невидимых стен.

«Как в коробке» – ещё одна внезапная мысль коснулась висков Сибиллы и быстро растворилась в воздухе. Послышались иные звуки. То ли стук каблуков, то ли цокот копыт. Узкая улочка сменилась широкой центральной улицей, и теперь взору прищельцев открылись повозки с лошадьми, милые дамы в простых платьях и шляпах, мужчины, покупавшие свежую рыбу и овощи. Иной раз пробегали даже дети, заливисто смеясь.

– Это похоже на наш город, не правда ли? – удивлённо заметила Эльзбета.

– Слегка, – согласился Рудольф.

Было здесь что-то таинственное, неправильное. Никто их будто бы и не замечал. Толпу, сопровождаемую огромным чёрным волком. Какой-то мальчишка пробежал прямо рядом с Сибиллой, шедшей впереди. Он ловко протиснулся между остальными, как будто повинаясь неслышиму зову, который помог ему найти путь среди чужаков.

Они остановились и переглянулись между собой.

– А ну-ка, – сказала Луана, торговка с западной части Ахарума. – Сейчас посмотрим.

Зная тонкости торговли, она ловко подлетела к одной из лавок на рынке, где женщина торговала орехами и ягодами. Длинные светлые волосы Луаны были прямыми и сверкающими, как шелковые ленты. Платье плотное алого цвета.

– Эй! – обратилась она к женщине в лавке. – Сколько звёздной пыли за горсть этих чудных орехов?

Лицо Луаны озарила улыбка, как раз такая, как нужна торговке. Не сильно фальшивая, но и не слишком искренняя. Женщина не отозвалась, перебирая в мешках не то орехи, не то ягоды. Луана поводила ладонью перед её лицом. Ничего.

– Да ты что, глухая, в самом деле?

– Они не видят нас, – сказал Рудольф.

Их взгляды встретились и на мгновение задержались друг на друге. Что-то странное пробежало по телу Рудольфа. Не то холод, не то жара. Он быстро отвёл взгляд, сунул руку в мешочек с орехами и достал горсть. Никто не реагировал. Никто и вправду их не видел.

Тут же к лавке подошёл какой-то мужчина и спросил о свежести ягод фуи у торговки. Та быстро встала и, как полагается торговке, начала рассказывать о лучших ягодах, которые только можно было здесь найти.

– Уму непостижимо, – возмутился стражник.

Как только Рудольф приготовился отправить первый орех в рот, Сибилла тут же остановила его. Она с ужасом посмотрела на брата, и тот понял её волнение.

– Думаешь, отравлено? – спросил он.

– Кто знает?

В глазах Рудольфа сверкнул азартный огонёк. Такой же, как когда-то в детстве. Он, конечно, намерен сделать это, во что бы то ни стало. Не столько потому, что голоден, сколько для того, чтобы насолить ей, Сибилле. Какие же они тогда Хранители, если до сих пор соревнуются друг с другом, как тогда, в детстве.

Он ловким быстрым движением закинул орешек себе в рот, и лицо Сибиллы тут же приняло недовольный вид. Рудольф разжевал орех, и тот оказался почти безвкусным. Сладковатым, но не ароматным.

– Ну, ладно, – сказала Сибилла и последовала его примеру.

Взяла с прилавка горсть орехов и проглотила все. Так они и стояли друг напротив друга, ожидая, кто первым из них умрёт. Но никто из них так и не умер. Так что все они принялись брать с прилавков всё, что захотят. Еда здесь была такой же безвкусной, как и весь окружающий мир. Идеальный, но лишённый жизни.

Избранники теперь, измученные видением монстра и смерти, потерянные в чужом мире, немного забылись в задорной игре, где обменивались мнением о еде, о своей жизни и мечтах.

Кто-то даже громко расхохотался. Станным образом в душе Сибиллы это снова вызвало тревогу.

– Мать бы не одобрила, – неожиданно для себя самой произнесла она вслух. Но никто её не услышал.

Даже брат сейчас занят был этим балаганом. Только волк, слуга ведьмы, сидела рядом с ней, вынув язык, тяжело дышал. Она посмотрела ему в глаза и впервые увидела в них человеческий ум.

Глава 5

1.

Ей стоило бы вернуться в хижину ещё до наступления темноты. Нет, она не хотела покидать замок, ведь теперь только она, ведьма Эстэр несла ответственность за Зеркало и огонь, освещавший его. А вдруг какой-нибудь сумасшедший вторгнется и разобьёт его? Чары её в таком случае будут бессильны. Она знала, что разум превышает материи, но всё равно помнила, что иногда магия бессильна.

Волк, её верный слуга, молчаливо хранивший тайну, теперь был далеко. Хоть она всегда чувствовала его присутствие, в этом мире ей не оставалось ничего другого, как отправиться пешком через лес. Эстэр знала путь до хижины так хорошо, что могла пройти его даже с закрытыми глазами. Но сейчас, на развилке между углублением в чащу и выходом из леса в сторону деревни, она выбрала второе.

Смеркалось. Да и пусть. Ночь всегда была её верным союзником. Её помощницей и наставником. Там, за деревней, находилось поле, где свой покой нашли усопшие. Тут же предали земле и её маленького сына, Вилли. Снегопад закончился, и теперь не было видно следов, свидетельств того, что кто-то недавно приходил к нему на могилу. И Эстэр пришлось прокладывать новые.

Она не была здесь, наверное, целых пять сезонов. Слишком больно. Слишком горестно до сих пор. Хотя прошло так много времени. Но ей всегда казалось, что это было только вчера.

Место, где погребён был её маленький пятилетний сын, стало местом, куда приходили поклоняться каким-то своим выдуманным богам людишки Ахарума. Ей не нравилось это. Казалось, что они вторгаются прямо к ней домой, в её жизнь, в её голову и душу. А это был её сын. Они верили, что она, Эстэр, мать, убила собственного ребёнка. Любимого, долгожданного. Такого похожего на неё. С рыжими волосами и веснушками, с чёрными глазами. Просто маленькая копия. Двое других, Рудольф и Сибилла, не были похожи на него. Но она, впрочем, захотела так сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.